

Юрий Гаврюченков

ЧЁРНЫЙ СЛЕДОПЫТ. ДОСПЕХИ НАЦИСТОВ

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

Юрий Гаврюченков

Доспехи нацистов

Серия «Черный следопыт», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143165

Аннотация

Когда-то археологи Гиммлера искали на оккупированной территории Новгородской области укрытый в кургане талисман власти. Доспехи Чистоты, изготовленные на легендарном краю света, в Ульtima Туле, дают их обладателю удивительные, мистические способности.

Эти чудодейственные вещи попадают в руки кладоискателя Ильи Потехина, и сразу же он сталкивается с боевиками секретной неонацистской организации «Светлое братство».

Илья бежит от них в Синявино, где собрались его старые приятели-трофейщики. Так на линии бывшего Волховского фронта снова загремели выстрелы. Война между русскими и немцами вернулась на подступы к Ленинграду.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	31
3	48
4	62
5	78
6	97
Часть 2	118
7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юрий Гаврюченков

Доспехи нацистов

Часть 1

Артефакт протонации

1

Поиск сокровищ занятие вредное – приходится много пить. К тому же, постреливают. Но я ни на что его не променяю. Привычка. У каждого человека есть слабости, которые тот не в силах изжить.

Я умею ценить познание древних тайн. Стремление сие тесно связано с раскопками. В свете этого вполне понятно желание заполучить безвестный памятник старины, особенно, когда он сам идет к тебе в руки.

Судьба дарит мне такие подарки. Я задумчиво смотрел на захлопнувшуюся за Борей дверь, испытывая легкое изумление. Вот уж не думал, не гадал, что сосед окажется человеком схожих со мной увлечений. Правда, весьма отдаленных. Боря промышлял оружие времен Великой Отечественной войны, да и просто что бог пошлет пытливому трофей-

щику. Копал для себя, не с коммерческой целью, а из чистой любви к искусству. Когда-то и я посещал поля сражений, но давно от этого занятия отошел и отстранился от «черных следопытов», считая себя калибром побольше. Не без оснований, кстати говоря. Хотя находка гонга Тайхнгада так и не стала подлинной сенсацией для широкой публики, но в научных кругах я снискал настоящую славу.

Правда, только славой и пришлось пока ограничиться. Согласно пунктам 2 и 3 статьи 233 Гражданского Кодекса РФ: «В случае обнаружения клада, содержащего вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры, они подлежат передаче в государственную собственность. При этом собственник земельного участка, где клад был сокрыт, и лицо, обнаружившее клад, имеют право на получение вознаграждения в размере пятидесяти процентов стоимости клада». Поэтому золотой диск весом более шестисот килограммов до сих пор проходил оценку в Гохране (Государственном учреждении по формированию Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Российской Федерации, хранению, отпуску и использованию драгоценных металлов и драгоценных камней при Министерстве финансов РФ). Пока оставалось неизвестным, когда я получу причитающуюся мне долю. Жил прежними накоплениями: кое-что по сусекам еще наскребалось, чтобы уж совсем не класть зубы на полку.

Так что нужно было зарабатывать. К счастью, на ловца и

зверь бежит. Прослышавший о моем фарте сосед сам принес весьма любопытные материалы, да еще попросил возглавить раскопки.

Я усмехнулся. Борино предложение льстило. Настоящее признание заслуг приходит не на международном конгрессе, а от соседа по лестничной площадке.

Положа руку на сердце скажу, что Боря меня буквально купил. Я сам человек тщеславный, но и соседка с приятелем соблазнились престижем поработать со специалистом, совершившим археологическое открытие первой величины. Со мной, то есть!

Можно сказать, что этот сезон Боря с Эриком открыли весьма удачно. Махнули в район Белой Горы. Есть в Новгородской области такое примечательное местечко, Долиной Смерти зовется. Летом 1942 года оттуда выходили из окружения зажатые в лесах дивизии 2-й Ударной армии. Из 160 тысяч бойцов просочились сквозь вермахтовский заслон 65 тысяч. Остальные сложили голову. Соответственно, оружия и амуниции там осталось немеряно. И теперь его откапывают все, кому не лень. Такие дела. Страна, пережившая глобальную войну, не могла не породить сонма трофейщиков.

В своем «пионерском»¹ походе Боря с Эриком не задавались целью прорваться к сердцу Долины, где дохли и тухли болотные гренадёры, обвешанные оружием и амуницией.

¹ Пионеры (пренебрежит.) – неопытные, начинающие раскопщики (трофейщицкий слэнг)

Начали копать на периферии и наткнулись на разбомбленный немецкий блиндаж. Уже частично разрытый предшественниками. Костей и регалий не нашли – проклятые гансы к останкам соратников относились трепетно и тела погибших старались хоронить. Не в пример героическим защитникам Родины, равнодушно бросавших трупы гнить где попало. Я не кощунствую, просто опыт раскопок избавил от патриотических иллюзий.

Блиндаж находился вдали от болот, где истребляли несчастные дивизии, в сухой песчаной почве. Только это и спасло от неминуемого разрушения за полувековое пребывание в сырой земле пару телефонных аппаратов, пулемет МГ-34, фляжку, перочинный ножик и черный кожаный портфель. Его-то содержимое и привлекло внимание Эрика. По словам Бори, товарищ, с которым мне предстояло познакомиться, с детства увлекался геральдикой и знал немецкий язык, на котором при живой бабушке говорили в его семье. Эрик перевел находившиеся в портфеле документы. Перевод – пачка исписанных ровным мелким почерком листков – лежал на моем столе. Еще в портфеле была карта, но ее Эрик не хотел показывать, пока я не приму положительного решения. Осторожность вполне оправданная, вдруг я соберусь их кинуть.

Следопыты со своими детскими страхами выглядели смешными. Оба вроде не мальчики уже: Боре под тридцать, Эрику – двадцать пять, а выдумывают всякие глупости. Не в

моем это стиле – обманывать партнера. Я предпочитаю конструктивное сотрудничество. Уровень банального кидалова я давным-давно перерос.

Проводив Борю, я отправился на кухню и сварил крепкий кофе. С ароматной чашечкой в руке прошествовал в кабинет, погрузился в кресло и задумчиво разворошил оставленные на мой суд бумаги. Стоит ли игра свеч? Для начала следовало добиться понятного перевода. Эрик напортачил так, что волосы дыбом вставали. Работы предстояло море, но предложение было достаточно заманчивым, чтобы меня зацепить и сподвигнуть на причесывание материала.

Хорошего переводчика отличает знание предмета. У Эрика же с историей было слабовато. Поэтому текст получился чрезвычайно сырым и требовал неукоснительной доводки.

Не удовлетворившись фразами типа: *«Hauptsturmfuhrer-SS Вольфганг фон Кирхгофен возглавлял специальную археологическую команду RuSHA-SS с целью проведения раскопок на захваченных территориях»*, я сам засел за расшифровку эриковских каракулей. Подлинники документов Боря принести не удосужился. К счастью, Эрик постеснялся высказывать своё невежество и большинство непонятных терминов привёл в оригинале, тем самым значительно облегчив мне задачу. Вооружившись карандашом, я стал доводить до ума, что он там намазюкал, и сам не заметил, как увлекся.

Легендарная фашистская спецслужба «Schutzstaffeln», по-русски означавшая «охранные отряды», была создана в

1925 году Юлиусом Штреком и поначалу имела исключительно охранные функции. В 1930 по распоряжению Гитлера СС должны были стать орудием укрепления единства Национал-социалистической немецкой рабочей партии и подчинения воле фюрера всех партийных звеньев и инстанций. Постепенно задачи СС увеличивались и, когда идеи нацизма приобрели невиданный размах, личная гвардия Гитлера получила статус оплота арийской расовой чистоты.

RuSHA было одним из пяти главных управлений СС. Rasse- und Siedlungshauptamt – Управление Расы и Колонизации помимо наблюдения за расовой чистотой рядов СС, переселения эсэсовских колонистов на оккупированные земли, а коренных обитателей – за колючую проволоку, и охраной концлагерей, занималось изучением корней германской нации и сопутствующими исследованиями. В том числе и антропологическими в этих самых лагерях. Дело было поставлено на широкую ногу, с сугубо немецкой обстоятельностью. На подведение наукообразного фундамента под расовую доктрину НСДАП денег не жалело, привлекая университетских ученых и высокочеловеческих мистиков. В 1937 году по инициативе Гиммлера в состав СС было включено «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков», сокращённо, «Наследие» или по-немецки – «Ahnenerbe». «Аненербе» вошло в структуру Управления Расы и Колонизации как Отдел Древней и Ранней истории. Слияние с силовым ведомством «Аненербе»

нисколько не повредило, наоборот, расширило его полномочия. Начиная с 1938 года все археологические раскопки проводились только с ведома «Наследия».

«Аненербе» осуществило исключительные по своим масштабам исследования в области традиций, деяний и отличительных черт индогерманцев. В то время прусский этнос изголодался по самогероизации и был готов к принятию этого мифа. Национализм – неизбежная реакция народа на унижения, а немцы после поражения в Первой Мировой войне были сильно уязвлены. Гитлер был большим любителем мистицизма. Он верил в существование могущественных магических предметов, которые помогли бы Рейху реализовать претензии на мировое господство.

Претворению в дело столь глобального замысла должны были способствовать амулеты непобедимости, к коллекционированию которых Гитлер питал особое пристрастие. Ему удалось заполучить копьё римского сотника Лонгина, протыкавшее Христа на распятии. Оно хранилось в сокровищнице Хофбурга как драгоценная реликвия династии Габсбургов. От копья, окропленного кровью богочеловека, за девятнадцать веков уцелел железный наконечник и гвоздь, которым он крепился к древку. Считалось, что оно наделяет обладателя неограниченной властью, которой тот способен распоряжаться по своему усмотрению, обращая как на хорошие дела, так и на плохие. Собираательство Гитлером амулетов непобедимости было, своего рода, стяжательством могу-

щества по частям. Это мистическое коллекционирование с каждым новым предметом делало их обладателя всё сильнее.

В поисках подобных артефактов «Аненербе» предпринимало экспедиции на Памир и Тибет. В пиренейских горах Аквитании и севере Италии эсэсовцы долго пытались найти в ледяных пещерах чудесную чашу Грааля. Из нее на тайной вечере пил Иисус и причащал апостолов. Туда же собрали Его кровь, когда Он был на кресте. Волшебный сосуд, способный одарить владельца вечной молодостью и неземной абсолютной мудростью, отыскать не удалось.

Гауптштурмфюрер Вольфганг фон Кирхгофен из Отдела Древней и Ранней истории Главного Управления Расы и Колонизации имел степень доктора археологии. Отправные документы на него были выписаны начальником Отдела, главой «Наследия» Вольфрамом Зиверсом. Согласно им, поисковая партия из пяти сотрудников «Аненербе» должна была произвести раскопки могильника курганного типа на левом берегу реки Мсты. И тут начиналось самое интересное. По свидетельству документов, в погребальной камере вместе с трупоположением витязя дружины князя Юрия Лугвеньевича были захоронены Доспехи Чистоты, завезенные на Русь в XIII веке из Норвегии неизвестным знатным варягом.

Вообще-то «Норвегия» была моей вольной трактовкой. В эриковской транскрипции и, следовательно, в оригинале стояло слово «Thule». Так назывался остров в Северном море, открытый греческим географом Пифеем около 300 года до

нашей эры. Указанная в античных летописях суша появлялась через 6 дней плавания к северу от Британии. По моим прикидкам, там помещались западные острова Норвегии. Идеологи нацизма, многие из которых состояли в «Обществе Туле», считали, что с этой земли берет свое начало нордическая раса, высшая, избранная для установления мирового господства.

Созданное Рудольфом фон Зеботтендорфом в 1916 году по образцу масонских лож мистическое Общество собрало под свои знамена немало будущих руководителей гитлеровской Германии, таких как Дитрих Эккарт, Рудольф Гесс и Альфред Розенберг. Гитлер также не избежал его влияния, хотя и не состоял в Обществе. Совместно с Фридрихом Кроном, экспертом по геральдике «Туле», он создал партийный флаг, который в окончательном виде (черная свастика в белом кругу на красном фоне) появился публично 20 мая 1920 года на митинге НСДАП в Старнберге.

Помимо свастики и концепции германского расового превосходства из «Общества Туле» были заимствованы сложные тщательно разработанные ритуалы для ирминистских обрядов СС.

Нетрудно представить, сколько велико было для Гитлера и его фюрера значение реликвии, созданной на прародине древних германцев, изготовленной руками редчайших мастеров, применявших давно утраченное знание великого, граничащего с магией искусства.

Дешифруя бисерные закорючки Эрика, я невольно проникался уважением к людям, скрупулезно восстановившим историю «der Altnordischpanzer» – Древнесеверных лат, как ещё именовались в документах Доспехи. В «Аненербе» работали исключительно компетентные профессионалы. За исчерпывающими формулировками военной документации угадывалась целая сеть взаимно уточняемых перекрестных ссылок. По собственному опыту я знал, чего они стоят: тонны дотошно проштудированной архивной бумаги. Такой труд по плечу лишь искушенным в своем деле энтузиастам, и я им аплодировал. Их выводы впечатляли. Неудивительно, что Гитлер оказался зачарован характеристиками Доспехов.

Согласно легенде, обладающий ими лидер сохраняет чистоту своей расы, побеждая в борьбе с племенами, несущими «скверну». Разумеется, новгородский князь был далек от арийского идеала. Представитель восточных славян, он был «der Untermensch» – человек второго сорта, стоящий на низшей после истинного индогерманца ступени. Голос крови не подсказывал князю ценность доставшегося ему амулета непобедимости. Поэтому он закопал доспехи в кургане. Воистину, только на Руси могли добровольно расстаться с вещью, сравнимой только со священными реликвиями европейских королей! Утрата Доспехов привела к угнетению русских звероподобными азиатами, которое довершили еврейские большевики.

Строитель Тысячелетнего Рейха с обретением

Altnordischpanzer безусловно смог бы осуществить свое знаменитое заявление, сделанное на Нюрнбергском партийном съезде в сентябре 1934 года, что в ближайшую тысячу лет новых революций в Германии не будет. Обстоятельства помешали ему воплотить сей великий замысел и кто знает, какую роль в этом сыграл русский авианалёт, навсегда разлучивший ученого капитана СС с его служебным портфелем.

Когда я наконец оторвался от бумаг, осевшая на доньшке гуща подсохла и местами растрескалась. «Время спать, а мы не жрали». В животе уже посасывало от голода, а уехавшая навестить родителей Маринка все не возвращалась. Придется ужин готовить самому. Я хоть и люблю кухарничать, но от семейной жизни успел разленился.

Впрочем, в холостяцкой стряпне есть свои прелести – никто не мешает. Я поджарил картошку с сосисками, выложил курящуюся аппетитным паром пищу на большую тарелку. Достал из холодильника упругий зеленый лимон, разрезал его пополам и полил картофель острым кислым соком. Взял вилку и жадно принялся поглощать еду, пока не остыла. Восхитительно. Божественно! Картошка хороша горячеей и я уложился в тот период, когда она уже не обжигала небо, но еще не успела стать невкусной. А много ли надо одинокому ученому?

Долго наслаждаться уединением не получилось. Заклацкал в замке ключ. Маринка соизволила появиться. Я спешно проглотил остатки ужина и вышел ее встретить.

– Привет, – сказал я, помогая жене снять мокрый плащ, – там что, дождь идет?

– Небольшой, – Маринка чмокнула меня в щеку. – Здравствуй, милый, знаешь, как я по тебе соскучилась!

– Как съездила? – по возможности нейтральным тоном поинтересовался я. Маринка подлизывалась неспроста. Это настораживало.

– Хорошо, – радостно ответила жена, что-то затевая.

– Как поживают родители? – вежливо осведомился я, прикидывая, что у супруги на уме.

– Прекрасно, – оставив обтекать у двери грязные сапоги, Маринка скользнула в тапочки. – Много говорили о тебе. Ну, пошли на кухню, я пирожных купила, чай будем пить.

– Пообщались, значит, – пробормотал я.

О чем они могли говорить? Нелюбимые тесть с тещей были обо мне плохого мнения. Раньше, во всяком случае. Что и послужило причиной давнего нашего с Маринкой развода.

– Приглашали тебя в гости, – выдала наконец Марина. – Ну, зайдем хотя бы пообедать, а, милый?

– Вообще-то я сыт, – весьма двусмысленно намекнул я, указывая на пустую тарелку.

С маринкиными родителями мы ненавидели друг друга тихой ненавистью. Они считали меня «жуликом и тунеядцем», в чем однажды сумели убедить свою дочь, я же отвечал вполне естественной неприязнью. Так меня и игнорировали, даже когда мы с Маринкой снова расписались. Однако, по-

сле того, как я ухитрился поправить финансовое положение, родичи стали меня привечать, вызывая злорадство жалкими потугами к примирению. Сегодня был один из таких случаев, когда я торжествовал. Обычно я отказывался...

– Ну пожалуйста, – взмолилась Маринка и мне сделалось ее жаль.

– Даже не знаю, – по привычке стал отнекиваться я, но, поймав маринкин взгляд, понял, что придется отойти от этой пагубной практики. Сегодня был день принятия лестных предложений.

* * *

– Здорово, – сказал Слава, переступая порог.

– Ой, Славик, – растерялась Марина. – Здравствуй, Ксюша... А мы в гости сейчас идем.

– Вот именно, в гости и сейчас, – поддержал я, рассеивая последние сомнения.

– Привет, – Ксения ехидно улыбалась, засунув руки в карманы новенькой кожаной куртки. Слава любил побаловать супружницу шмотками.

– Мы жратвы, того, купили, – оповестил друган, – в машине лежит.

– Вот и хорошо, – я повернулся к Маринке. – Собирайся, дорогая, а то папа с мамой наврное заждались.

Марина все поняла и помрачнела.

А что мне еще оставалось? Идти на обед к родственникам без группы поддержки – верный способ быть съеденным, вот я и прихватил с собой тяжелую артиллерию, чтобы не спасовать ненароком. Вот зубки-то они обломают, хе-хе!

– Чего так лыбишься? – спросил корефан.

– Как? – опомнившись, я с усилием разгладил мышцы лица.

– Хищно, – исчерпывающе определила Ксения, пока Слава подбирал соответствующее слово.

– Пойду приоденусь, – поспешно сказал я, увиливая от ответа, и двинулся вслед за Маринкой.

– Мы ждем в машине, – известил Слава.

Хорошо иметь друзей, готовых придти на помощь в самых деликатных ситуациях.

Вскоре я с тайным злорадством наблюдал за реакцией тещи и тещи. Сначала было недоумение: приняли Славу за меня и прикидывали, как же сильно я возмужал. Потом сообразили, что это не прежний хахаль и посчитали за нового маринкиного ухажера, а тут уже заходила Ксения, путая все расчёты. И последним затерся я, уверенным хозяйским жестом пропустив вперед гостей.

Столько народу Анатолий Георгиевич с Валерией Львовной вряд ли ждали. Максимум, к чему они готовились – это Раздолбай Иванович в качестве дежурного блюда, которого можно будет приправить язвительными шпильками на десерт. Теща страсть как обожала колкости. А тут растерялась.

Как же – сразу такое количество незнакомых лиц!

Скабрёзно скалясь, я представил их друг другу и мы сели за стол. Появилась литровая бутылка «Столичной», извлеченная Славой из пакета. Анатолий Георгиевич откашлялся, украдкой поглядывая на жену. В традициях этой семейки обед планировался безалкогольный. Валерия Львовна беспомощно растягивала губы, стоя у стола как Наполеон в финале битвы при Ватерлоо. Маринка молча порхала вокруг, сервируя приборы на две лишние персоны. В неловкой тишине стыдливо позвякивала посуда. Криво улыбался Слава и нахально поглядывала Ксения, в которой мало что осталось от затюканной невзгодами медсестры с тех пор, как корефан встретил ее в коридоре Военно-медицинской академии. Как говорил апостол Павел: «Не все мы умрем, но все изменимся». За время бурной нашей со Славой совместной деятельности нам повезло уцелеть, но перемены были неизбежны. Родственнички конечно помнили меня не таким. Тот опешили, обнаружив, что схавать зятяка оказалось ой как непросто. Да, Валерия Львовна, я хищная пища!

В знак примирения теща достала рюмки.

– Ну, чего? – кинул на меня вопрошающий взгляд Слава.

– Разливай, – разрешил я.

Закончив суету, Маринка опустилась на стул рядом со мною. Анатолий Георгиевич, облаченный по случаю приема гостей в строгий темный костюм, являл собою образец покорности судьбе. Теща тоже помалкивала, из чего я заклю-

чил, что тост следует произносить мне. Ну, коли захватил инициативу, не следует выпускать ее из рук.

– За нашу встречу, – благостно изрек я.

Закусили.

– Илья, – вкрадчиво завела беседу Валерия Львовна, – Мариша рассказывала, что вы заняты интересным делом.

– Археологией, – будто бы раньше, когда меня здесь дружно считали лентяем, я занимался чем-то иным. – Самая благородная из наук всегда была моим призванием.

– Мариша показывала прессу со статьями о вас, – любезно поведала Валерия Львовна. – Вы нашли какое-то эскимосское сокровище?

– Да, – с достоинством ответил я и кивнул на мечущего в пасть закусь корефана. – Вот, вместе со Славой и откопал.

Ксения зарделась. Приятно, когда хвалят мужа.

– Я всегда считал, что из вас выйдет толк, – осторожно вступил в разговор Анатолий Георгиевич, которому было интересно пообщаться со мной, и теперь он деликатно высказывал мнение относительно моей непутевой особы. – Археология замечательная профессия. При соответствующем навыке можно добиться потрясающих результатов. Разумеется, должно было пройти некоторое время, прежде чем вы научились проводить исследования с добросовестностью истинного ученого. Признаю, поначалу между нами возникали разногласия...

Только сейчас я понял, насколько мало мы знакомы.

– ...Но теперь, когда вы совершили такое потрясающее открытие, у нас с мамой не осталось сомнений, что вы сумеете устроить судьбу нашей дочери.

В словах затюканного научного работника чувствовалась термоядерная тещина накачка.

– Ладно, папа, – охладила его Маринка.

Я подмигнул Славе.

– Наливай. Выпьем за родственные отношения.

Выпили. Потеплело на душе.

– Что касается судьбы дочери, – снисходительно пояснил я тестю, – то она могла быть устроена значительно раньше, если бы вы не считали меня лодырем и проходимцем каких не сыскать.

– Гм... это не совсем так, – глаза Анатолия Георгиевича забегали по пластмассовой зелени, украшающей гостиную.

С позапрошлого лета в квартире мало что переменялось. Те же фальшивые джунгли и запыленные головы животных на стенах – маринкин дед был таксидермистом.

– Не сердитесь на нас, Ильюша, пожалуйста, – мягко попросила Валерия Львовна. – Кто старое помянет... Мир, ладно?

– Идет, – уступил я.

Доброта, как ни странно, может являться следствием равнодушия. Когда люди тебе безразличны, необходимость пристрастного отношения к ним отпадает. Поэтому мы так часто ссоримся с близкими и остаемся вежливыми с малознако-

мыми людьми. К близкому человеку предъявляется больше требований. Маринкины же родители, я знал, были и останутся для меня чужими. С ними можно было и помириться. И столь же безболезненно поссориться. Их чувства не имели никакого значения.

Угадав момент, Слава наполнил рюмки.

– Давайте за мир, – предложила повеселевшая Валерия Львовна.

После третьей обстановка за столом разрядилась. Я увлекательно описал поиск клада на развалинах старинной часовни, затерянной в лесной глухомани псковской области. Случилось это вскоре после развода. За тот клад я отсидел трёшник, но по освобождении купил двухкомнатную квартиру, в которой сейчас и живу. Так что мой промысел мог быть весьма плодотворным. Все напряженно слушали занимательный рассказ о раскопках и были поражены перепетиями копательского бытия. За исключением разве что корефана. Слава за обе щеки уминал бутерброд с яйцом. Он был в курсе всех моих дел.

– Как я люблю подобные авантюры! – заворожено произнес Анатолий Георгиевич.

Надо заметить, что он был доктором физических наук, но после сокращения штатов в Технологическом институте оказался уволен с должности начальника лаборатории и последние годы кормился репетиторством, натаскивая по математике тупых абитуриентов. Неудивительно, что после таких

пертурбаций в голове ученого стали роиться мечты о легком заработке. С голодухи станешь падким на любые аферы, а тут еще зять-археолог, сколотивший состояние на раскопках. Как не пойти на мировую с таким!

– Никто не лишен романтической жилки, – пожалел я тебя, распаленное воображение которого, судя по блестящим глазам, воссоздавало пленительную и пугающую богатством картину сказочных сокровищ, ждущих своего часа где-то глубоко под землей.

– Глупо спрашивать, но это правда, что археологам часто попадаются весьма ценные вещицы, которые они незаметно прибирают к рукам? – поинтересовался Анатолий Георгиевич.

Ксения фыркнула с таким пренебрежением, будто с раннего детства проводила дни на площадках.

– Нет, – серьезно заявил я. – Далеко не часто и далеко не всем.

Лаконичность моего ответа объяснялась отсутствием исчерпывающей информации о предмете дискуссии. Не так уж много я знал подобных случаев, чтобы поголовно шельмовать рабочих археологических партий.

Об одной утечке мне поведал ныне покойный антикварный барыга Гоша Марков, хвастаясь своим новым приобретением. Ему, в общем-то, было чем похвалиться. Буквально за бесценок Гоше достался полный набор женских серебряных украшений X века, найденный в Гнездовских курга-

нах: пузатые височные кольца, прикрепляемые к прическе модницами обитавших в пойме Днепра славянских племен, витые браслеты, сердоликовое ожерелье и тончайшей работы лунница – подвеска к ожерелью в форме полумесяца – главная гошина гордость. Организованная москвичами экспедиция в Смоленскую область была совершенно официальной, что и придавало сделке особую пикантность. Помнится, мы тогда здорово посмеялись над курганником, не отважившимся толкнуть краденную находку в родной столице. Надо полагать, украшения обрели достойного хозяина или хозяйку, потому что вскоре Гоша обзавелся новенькой белой «девяткой» и больше о гнездовских побрякушках не заикался.

– Вероятно таким же образом в тень уплыло множество подобных кладов, – предположил Анатолий Георгиевич, когда я поведал о смоленском леваке.

– Не исключено, – сдержанно отозвался я, с удовлетворением отмечая, что Маринка больше не выглядит как побитая собака. Отношения с родителями налаживались и она не чувствовала вины за нашу гоп-компанию.

– Давайте, мужественные мужчины, выпьем за вас, – поднялась Валерия Львовна, обводя нас испытующим взглядом.

Ждала, какотреагируем. Вели мы себя на редкость хорошо, что, видимо, настораживало.

Отреагировали положительно. Слава подтянул новую бутылку.

– Илья, – отставив рюмку, доверительно наклонился ко

мне тесть. – Мариша рассказывала, что у вас в библиотеке есть много старинных книг...

Повеселевшие дамы заговорили о своем. Лишь Слава молчал, закусывая и делая вид, будто не интересуется их беседой. Сидел корефан слишком далеко от нас и привлечь его к разговору не представлялось возможным.

– Есть, а что? – прикинул я, чего Маринка вчера могла наболтать. Получалось много. И я приготовился отвечать на самые каверзные вопросы.

– Да вот, просто хотел узнать, в связи с этим вы ведь наверное увлекаетесь всякими древними учениями, например, каббалистикой?

– В какой-то мере, да, – изо всех сил избегая опрометчивых заявлений, отозвался я.

– Я тоже, по роду своей профессии, все-таки физмат за спиной, – похвастался Анатолий Георгиевич. – Вы имеете представление о нумерологии?

– В определенной степени.

– Наверное больше как гуманитарий?

– В некотором роде, – я старался не задевать болезненно-го самолюбия, свойственного большинству представителей точных наук.

– Но немножечко в курсе?

– Так, самую малость.

В своих ответах я был сама осмотрительность.

– И как вы относитесь к каббализму имен?

– К Каббале, как к таковой, отношусь с почтением.

«Что мне твой физмат? – подумал я. Во мне проснулся историк. – Да, я гуманитарий, но разве от этого стал хуже? Как бы не так, уважаемый».

– Вообще-то Каббала Каббале рознь, – продолжил я раз уж захотелось тестю помусолить сию тему. – Та, что была создана в Аквитании, сильно отличается от древнеиудейской, которая, в свою очередь, имеет мало общего с египетской инвариацией. А китайская Каббала, в силу совершенно иного мышления ее создателей, просто небо и земля по сравнению с ближневосточными аналогами, но принципиальной разницы меж ними нет, ибо суть их одна.

– Гм... – Анатолий Георгиевич замялся, подавленный неожиданно открывшимся многообразием священного трактата, но алкогольная раскованность взяла свое и он безоглядно продолжил. – Я, собственно, имел в виду соответствие между буквами и числами.

– Похвальная тема, – сказал я. – Каббала – точная наука.

– Я говорил о нумерологии, – с двухсот граммов во лбу тестя влекло в профессиональное русло. – Вы знаете цифровые эквиваленты букв? А – один, бэ – два и так далее до десятой, а потом все сначала.

– Кажется, вы имеете в виду русскую вариацию Каббалы, – догадался я. – В классической на двадцать две буквы иврита цифры распределяются только на первые девять букв. На последующие девять падают числовые значения от десяти до

девяноста, а последние четыре имеют эквивалент от ста до четырёхсот.

– Каббалистические счисления действительно не совпадают у разных народов, – согласился запутавшийся Анатолий Георгиевич.

«Вот тебе и гуманитарий, – мелькнула у меня самодовольная мысль, – что, съел?»

– Я всё-таки имел в виду отечественную вариацию Каббалы, – преподавательская спесь маринкиного отца быстро улетучивалась. – Так вот, сумма нумерических эквивалентов в конкретном имени содержит информацию о характере личности и судьбе этого человека.

– Безусловно, – молвил я, когда мы *viribus unitis*² пришли к согласию.

– ? – глянул на меня Слава.

– Конечно, наливай, – позволил я, словно был хозяином за этим столом.

Дамы пропустили за исключением, разве что, Ксении, которая хлестала водку как лошадь – сказывалась афганская закалка. Впрочем, по фронтовым меркам, дозы были детские: рюмка вмещала пятьдесят граммов.

Однако же тестю похорошело. Я ему помогал как мог.

– Пифагор Самосский, – с важным видом воздел он указательный палец, – собрал число тысяча двести тридцать четыре из цифр один, два, три и четыре.

² Объединёнными усилиями (лат.)

– Тетрактис, – вовремя вспомнил я. Пифагор Самосский был для меня непререкаемым авторитетом. – Он утверждал, что в этом числе сокрыты источники и корни вечно цветущей природы.

– Макс Борн в тридцать шестом году написал статью «Таинственное число сто тридцать семь», – продолжил тест нумерологическую лекцию, по-моему, главным образом для себя, любимого, – в которой доказал, что постоянная сто тридцать семь играет исключительно важную роль во всех явления природы.

– Борн вообще был гений, – высказался я, тонко польстив тестю знакомством с биографией его коллеги. – И фамилия у него весьма символическая: «born» по-немецки означает «источник». Дураки нацисты не смогли его оценить. В тридцать третьем году Борна выгнали из Геттингенского университета. Он был еврей.

– Как и Эйнштейна, – заметил Анатолий Георгиевич. От высококалорийной водки он покраснелся и безнравственно ослабил галстук. – Тоже зря, между прочим. Они, конечно, уехали, да потом не очень-то и горевали. Евреи нигде не пропадут. Борн в Кембридже преподавал, а в пятьдесят четвертом Нобелевку получил.

– Ему ли быть в печали? – усмехнулся я, наблюдая, как тестя развезло и потянуло на панибратство с Талантами – характерный признак амбициозной заурядности. – Жил Макс Борн весьма неплохо и умер в семидесятом году восьмидеся-

ти восьми лет отроду. Они в фатерланде все почему-то долго живут, несмотря на тяготы и лишения.

– Борн умер пятого января, – оживился тесть, возвращаясь к старой теме. Он достал из внутреннего кармана пиджака перьевую ручку «Союз» в блестящем металлическом корпусе. – Смотрите, как раскладывается эта цифродата, – и он быстро написал на салфетке: $511970 = 137 \cdot 3737 + 1$.

– Верю без калькулятора, – сказал я.

– У меня самого голова не хуже счетной машины, – довольно изрек Анатолий Георгиевич. – Как видите, открытое гением математического описания основ материи биочисло, иногда сочетающееся с тридцатью семью и девятью, напрямую связано с его смертью.

– Девятка у многих народов считается цифрой смерти, – ввернул я.

– Ныне забытые великие умы жили по всей Земле, – неожиданно рассудительно заметил тесть. – То, до чего додумался один человек, могут додуматься другие и наверняка додумывались прежде. А такие вот числовые следы судьбы при желании можно найти во всех знаменательных датах. Кстати, присутствие этого приоритетного числа мы обнаруживаем и в Тетрактисе. – Анатолий Георгиевич снова пустил в ход вечное перо: $1234 = 137 \cdot 9 + 1$.

– Логично, – резюмировал я и налил всем по рюмке, не давая увлечь себя в дебри нумерологии. Пора было поправить кукушку. С непривычки от одного прикосновения к Каббале

могла сдвинуться крыша.

– А на кой хрен нужна вся эта... нумерация? – опроверг посудину, полюбопытствовал у тестя доселе молчавший Слава. Он уже давно прислушивался к нашему разговору и, уловив удобный момент, сподобился проявить интерес.

– Гм... видите ли, – пустился в объяснения Анатолий Георгиевич, – надеюсь, вы понимаете, насколько важное значение имеет математика как метод описания процессов...

– Ну да, – перебил Слава, – а вот нумерация, на хрен она нужна?

Анатолий Георгиевич не нашелся, что ответить. Наверное в первые повстречался ему столь грубый невежда, задающий абсурдные вопросы потрясающе безапелляционным тоном.

– Гм, гм, – малость поблекнув покашлял Анатолий Георгиевич. Слава в своей простоте мог смутить кого угодно. – Знаете ли, да как вам сказать...

Корефан бесхитростно пялился на него и на морде читалось бессмертное йостовское: «Когда я слышу слово – „культура“, моя рука тянется к пистолету».

Я с удовольствием отметил, как быстро тесть утратил преподавательский налет. Слава умел без слов разить наповал. Малохольная интеллигенция под ним трещала и ломалась как гнилые доски!

Застольное действо стихало по мере того, как сладкий плен Бахуса сменялся крепчающими объятиями Морфея. Тесть впал в ступор. Разомлевшая в домашней обстановке

Маринка закемарила у меня на плече. Тёща с Ксенией обсуждали бедственное положение неимущих граждан, неожиданно найдя общий язык. Слава жрал кабачковую икру.

Главенствуя над осиротевшим столом, я ощущал тупой бычий триумф.

Утро выдалось препаскудное. Я глотал холодный чай, хмуро слушая пыльные речи «черных следопытов», сидящих напротив. Боря с Эриком лезли из кожи вон, доказывая, как выгодно и кайфно нам будет работать вместе.

– ...Они же денег стоят, да каких, – никак не мог успокоиться Эрик, его лицо покраснелось.

– Ты ведь знаешь, как их выгодно продать, – поддакнул Боря, пристально глядя на меня из-под густых бровей.

«С кем приходится работать!» – сокрушенно подумал я.

Ребята настораживали своим легкомысленным подходом к делу. Уж больно гладко всё у них получалось. Планы покруче гитлеровских. Пришли, выкопали и продали, огребя кучу халявных бабок. В реальности же сбыт является самым сложным звеном. У нас не настолько цивилизованная страна, чтобы спокойно осуществлять торговлю произведениями искусства. Разумеется, нелегальную. Но опасаться надо не представителей власти, которых везде следует избегать при незаконных операциях, а покупателя. Зачастую случается так, что клиент передумывает расставаться с деньгами. Ведь любителей халявы много. И решает забрать просто так, предпочитая заплатить за работу крепким удальцам. Теневой антикварный бизнес – грязная штука и безрассудное отношение к нему иногда оказывается губительным.

– Прежде, чем говорить о продаже, Доспехи надо найти. На мое замечание Боря наклонил лобастую голову.

– Найдем. В карте указано точно, – Эрик продолжал находиться во власти своей фантазии. – Приедем да раскопаем курган.

Боря кивнул и ему.

«С кем приходится работать!» – в очередной раз мысленно посетовал я.

* * *

В Новгородской области даже летом может быть на удивление не жарко. Вроде бы и не заморозки, а холод такой, что с завистью вспоминаешь сухие сибирские морозы.

Я снова подул на озябшие красные руки и подкинул дров в недовольно шипящий костер. Раскопки кургана длились уже неделю и, как всякая подготовительная работа, изрядно побавили у ребят энтузиазма. Я тоже был несколько удручен, чему способствовала дрянная погода и дилетантство компаньонов.

Взять хотя бы наше походное снаряжение. Мое, проверенное годами верной службы, сгнуло минувшим летом. Воспользовались эриковской палаткой. Желтым пузырем колыхалась она за моею спиной. Вид ее был отвратителен. Вдобавок, при первом дожде обнаружилась течь по швам. Пришлось немало помудохаться, замазывая их свечкой, а потом

сушить вещи. В результате, ночь отогревались в машине, благо, моя новая пятидверная «Нива» при всей ее уродливости имела несомненное достоинство – вместительность.

Палатка выделялась ярким пятном на серо-зеленом защитном фоне леса. Она была заметна издалека, словно сигнальный огонь. Более гадостного убежища для туристов мне не приходилось встречать.

Со всем остальным у моих напарников обстояло не лучше. Все-таки следопытами Боря с Эриком были не «черными», а, скорее, «зелеными» и к походной жизни неприспособленными. Правда, оба отличались трудолюбием и неприхотливостью – весьма ценными для археолога качествами. К тому же, были весьма целеустремленными, у других бы давно опустились руки. Расчистка площадки – работа тяжелая и, на первый взгляд, безрезультатная.

Мы срыли у кургана вершину и далее производили выборку грунта сужающимися книзу уступами. На уровне земли образовалась неширокая траншея, прорезающая холм насквозь. Пока я не знал, насколько нам еще придется углубляться, и намеревался произвести шурфовку, чтобы получить представление о дальнейшем объеме работ.

Костер горел неохотно. Дрова злобно щелкали, плевались искрами. Едкий синий дым стлался над листвою земляники и ландышей, словно прижимаемый недвижимым тяжелым воздухом. Откуда-то издалека эхо доносило приглушенные хлопки выстрелов. Следопыты отправились поохотиться со

стареньким бориным дробовиком. Ходили каждый день, патронов пока хватало. Я же предпочитал греть свои кости. От холода и постоянной сырости по утрам давали о себе знать суставы.

За зайчиков и птичек, впрочем, можно было не волноваться. До сих пор добычей друзья обрадовать меня не сумели. Так что, чем бы дитя не тешилось... Охота была для них неплохим способом развеяться.

К тому же экологически безвредным.

Минут через двадцать, хрустя валежником, к костру подошли brave промысловики. Сразу стало понятно, что в их компании зверюшки находились в полной безопасности.

– Ну, добычки, – встретил я их, – что ужинать будем?

– Сконструируем что-нибудь из консервов, – виновато улыбнулся Боря.

– Опять впустую прошлись?

– Дичь хитрая пошла. Прячется фирменно.

– Зато такое озеро нашли, – восхищенно известил Эрик, присаживаясь на бревно рядом со мной.

– Какое?

– Совсем мертвое, – Эрик описал ладонями плоский круг. – Чистое, ровное как зеркало, ни всплеска на нем. Рыбы, по-моему, совсем нет, утки тоже не садятся, даже камыши не растут. Круглое. И черное.

– Фирменное, – подтвердил Боря, садясь и прислоняя ружье к бревну.

Новгородские леса изобилуют колдовскими местами, где все время преследует ожидание близкого чуда. Наш курган тоже стоял на таком участке: заросли волчьей ягоды, густой ольшаник, барсучьи и лисьи норы на возвышенности, сочные цветы вороньего глаза. И лепечущий шелест осин на отвесном берегу мчащей серебристую воду широченной Мсты. Здесь как-то сразу перестаешь сомневаться в существовании нечистой силы. Присутствие русалок и леших оказывается так ощутимо, что начинаешь совсем по-иному оценивать происходящие явления природы, будь то гроза или ветер. И с пронзительной ясностью, всей душой понимаешь языческую Русь. И принимаешь древние верования предков.

– Завтра начнем шурфовать, – сообщил я компаньонам.

– Это как? – помедлив, словно поначалу не отважившись спросить, поинтересовался Боря.

– Будем рыть ямы, исследовать землю по глубине. Может быть, на что и наткнемся. Если повезет.

– Должны, – заверил Эрик. – На карте точно обозначено. В эс-эс же не дураки сидели.

Казалось, он успокаивает самого себя. Мне бы тоже не хотелось, чтобы многотонная масса вывернутого грунта была перелопачена впустую. Насыпной холм над могильником оказался невысоким, метров шесть-семь, но объем земли был большим. Ее отвалы по сторонам раскопа обезобразили пейзаж.

– Скоро узнаем, – рассудил я.

– Немецкие документы не лгут, – Эрик говорил с таким апломбом, будто всю жизнь работал с немецкими документами.

Боря хмыкнул и посмотрел на ладони.

– Хотелось бы верить, – и перевел взгляд на располовиненный курган.

– Поедим, да на боковую, – сказал я. – Перед грядущими свершениями я рекомендовал бы как следует отоспаться.

Боря охотно кивнул. Он научился внимать моим предложениям, какими бы абсурдными они поначалу не казались. Например, мне с трудом удалось убедить напарников копать в перчатках. Эрик послушался, а Боря смирился с этой необходимостью не сразу. В перчатках было жарко, под них набивалась земля. Однако, к вечеру интенсивной работы вздулись волдыри, которые наутро лопнули от первого прикосновения к черенку. Выяснилось, что призывы беречь руки оказались вовсе не беспочвенными, да было поздно: ладони мокли и кровоточили. Это заметно сказалось на производительности труда – она уменьшилась на треть. Солдату нельзя натирать ноги, а археологу руки. На несколько дней Боря вышел из строя и занимался хозяйством. Хорошо, что не занес инфекцию. Теперь ладони подзажили. Мозоли покрылись коркой, которая лопалась и болела, напоминая обладателю о пользе мудрых советов более опытного товарища.

– Давайте готовить ужин, – тотчас согласился Боря.

– А может быть устроим завтра день здоровья? – перебил

Эрик. – Если уж отдыхать, так отдыхать как следует, а, Илья?

– Что ты предлагаешь делать? – спросил я.

– Сходим на озеро, прямо сейчас. Разожжем костер, там и поужинаем.

– Сыро, – сказал я. – Холодно.

– А мы спальники возьмем, веток нарубим, водяра еще есть. Фирменно будет, отвечаю!

– А отсыпаться будем днем в машине? – дурацкое словечко из бориного лексикона раздражало меня.

– Найдём время. А днем можно будет покопать, – принял-ся упрасивать Эрик. – Когда еще представится такая возможность!

– Какая? – нехотя обронил я. – Да и зачем?

– Интересно же!

– Ему романтики захотелось, – насмешливо обронил Боря.

– Озеро-то необычное. А вдруг потом такой возможности не будет, – нетерпеливо заерзал на бревне Эрик. – Что если завтра мы что-нибудь такое найдем...

– И после задерживаться здесь уже не станем, – закончил я его потаенную опаску.

– Вот-вот, – признался он, помедлил в поисках свежих до-водо-в и добавил. – Заодно пакши у Бори подлечатся.

Кажется, в данном обществе я не обладал непререкаемым авторитетом.

– Как руки? – спросил я.

– Болят, – сразу же откликнулся Боря. Тут я его понимал.

– Далеко ваше озеро? – сдался я.

– Близко, совсем рядом, – заюлил Эрик. – Пятнадцать, ну, от силы, двадцать минут ходьбы.

– Ладно, черт с вами, – я пихнул ногой кучку тлеющих углей, оставшуюся от костра. – Объявляю завтрашний день – Днем здоровья. Работать не будем. Ты, Боря, лечись, а ты, романтик, удовлетворяй свое любопытство. Можешь еще в Лужу нырнуть для полноты ощущений.

– Будет фирменно, – на радостях поддержал Боря, а я опять скривился от совдеповского словечка.

Лужей мы окрестили загадочный водоёмчик метра два в диаметра и мелкий на вид, похожий на небольшую лужицу, оставшуюся после дождя. На самом деле я в ней чуть не утонул, пытаясь измерить глубину. Лужица оказалась бездонной. Во всяком случае, ольховая жердь длиной в два моих роста свободно погружалась вместе с рукой и могла идти в таком темпе сколь угодно дальше.

Был ли это вход в затопленную карстовую пещеру или какой другой провал, я так и не уяснил. Лужа являлась аномалией, непонятной, а, потому, пугающей. Казалось, что оттуда может вылезти нечто нехорошее. Например, хищный подземный житель в виде толстой змеи, белесой от вечного мрака, слепой, но с хорошо развитым обонянием. Какой-нибудь неизвестный науке обитатель залитых водой пещер средней полосы России, бывший в дохристианские времена грозным

божеством ильменьских славян. Потом забытый, но успешно доживший до наших дней и периодически всплывающий наверх подкормиться. Представлялось, как он ночью вылезает из дыры и ползет по мокрой траве, разевая усеянную длинными игольчатыми зубами пасть, чтобы лучше уловить доносимый ветерком из палатки аппетитный запах человеческих тел.

Лужа была причиной беспокойства и спал я плохо. Даже наломавшись за день, долго ворочался прежде чем задремать. Сон был чуткий, я по несколько раз открывал глаза на любой подозрительный шорох. Дело было даже не в Луже, вернее, не только в ней. Сам воздух вблизи кургана казался пропитанным чертовщиной. Было даже удивительно, почему княжеского ратника похоронили в таком сомнительном месте. Обычно для погребений дружинники выбирали участки повеселее. Я много поездил по Новгородской области и столь мрачный могильник наблюдал впервые.

Сюда даже не залетали комары.

Мы затушили костер, скрутили спальные мешки. Эрик добровольно навьючил на себя армейский сидор с питательным продуктом. Машину и снаряжение оставляли без опаски. Ввиду отсутствия поблизости деревень незваные гости имуществу не угрожали.

Боря взял ружье и мы выступили в поход. Миновали Лужу, по которой я едва не проехался на «Ниве». Хорошо, интуиция подсказала прежде выйти и посмотреть, не утонул ли

колеса. Я сам едва не утоп, а потом мы долго искали объезд. Трава не сохранила недельной давности отпечатков протекторов. Вообще-то, добраться до кургана оказалось сложно. Были в этом и свои плюсы. Например, уходили из лагеря, зная, что за время нашей отлучки его никто не потревожит, да и раскопки лучше производить в стороне от любопытных глаз. Уединенность и обособленность кургана имела важное значение в неприкосновенности витязева праха. Ведь, насколько мне было известно, здесь левый берег Мсты оказался недоступен для немецких солдат и техники. Правда, от доморощенных кладоискателей это не уберегло.

Чего только не передумаешь, идя по лесу. Начинало темнеть и приходилось постоянно вглядываться под ноги, но я все равно спотыкался. К счастью, бродили недолго. Боря уверенно вывел к озеру.

И я застыл, потрясенный.

Сначала мне показалось, что я вижу кусок пасмурного неба, непостижимым образом опустившийся на землю. Затем деревья расступились и перед нами блеснула ровная гладь воды. В полном безветрии озеро, как огромное зеркало, безукоризненно отражало тускнеющий небосвод. Лес почтительно обступал его, держась на некотором расстоянии от лишенных растительности берегов. Непонятно почему, оно действительно было мертвое. Уже много веков.

Еще один феномен этих диковинных мест.

Эрик был прав. Озеро стоило того, чтобы потратить ра-

бочий день. Пока напарники собирали хворост, я подошел к краю берега. Неподвижная чернота застыла у моих ног. Далее поверхность озера постепенно меняла цвет, там плавали серые дождевые облака, гонимые воздушными потоками верхних слоев атмосферы. Здесь же царила тишь. Величественная чаша была исполнена мрачного покоя.

– Илья, иди, все готово.

Голос оторвал меня от созерцания замерших вод. Я оглянулся. Друзья разожгли костер, поставили к огню вскрытые консервы и ждали меня.

– Ну, как тебе озеро? – спросил Эрик, сдергивая полиэтиленовый колпачок с горлышка бутылки.

– Фантастика, – честно признался я. – Даже не знал, что такие места в Новгородской области бывают.

Эрик самодовольно хихикнул, скручивая пробку. Я порылся в мешке, доставая стаканы. Запасливый Боря укомплектовал сидор всеми причиндалами туриста. – Водка... «Фирменная», – Эрик сделал вид, будто читает этикетку.

– Давай банкуй, читатель, – недовольно одернул его я.

Дерябнули по соточке и закусили колечками свежего огурца.

Паскудное ощущение промозглой сырости во всех членах сменилось приятной теплотой. Без водки здесь можно было вообще очокуриться.

– Ничего озеро, да? – залебезил Эрик, явно нарываясь на похвалу.

– Любопытное, – благодушно согласился я. – Впервые вижу столько мертвой воды.

– Странное озеро, – проронил Боря. – В такой воде, наверное, трупы не гниют.

– Что это ты вдруг о трупах заговорил? – спросил Эрик, подтягивая за отогнутую крышку консервную банку и тыча вилкой в ее скворчащее нутро. Запахло жареной гречневой кашей.

– Да что-то вспомнил, как мы в Апраксино немца с носом добыли, – предался блевотным воспоминаниям сосед. Очевидно, водка плохо пошла. – Копали на краю острова в дне реки. Я совковой лопатой поднял тушку ганса из глины. Со всем целый, волосы на месте, нос есть, только глаза вытекли.

– Приятного всем аппетита, – поспешил я увести разговор в более приемлемое для трапезы русло. – Я тоже в тех местах копал. Знакомые трофейщики рассказывали, как в Синявино на картах, бывших торфоразработках, что-то сильное подорвали. И вот, взрывной волной выбросило девушку. Вероятно, пласт торфа сдвинулся и она всплыла.

– Туристка? – сходу просёк трофейную тему Боря. Должно быть знал, что «черные следопыты» с трупами случайно погибших компаньонов церемониться не любят. Раскопки – дело подсудное, поэтому все концы в воду.

– В том-то и вся соль, что нет, – тонко улыбнулся я. – Барышня была в гимнастерке, а в кармане у нее лежали документы времен Великой Отечественной войны.

– Да-а, бывает, – протянул Эрик. – В Карелии из болота недавно самолет подняли, а в нем летчик. Тоже, говорят, в целости и сохранности. Болота...

– Каша горит, – напомнил Боря, отодвигая банки, свою и мою.

Мы вмазали еще по столько же. Трофейные истории сменились археологическими.

– В общем-то, болото неплохо сохраняет утопленников. В глине покойник парафинируется, а в болоте пропитывается квасцами, которые образуются при гниении торфа, – пустился я в рассуждения. Близость озера навевала водные темы. – Отсутствие кислорода не располагает к деятельности гнилостных бактерий, поэтому трупы могут там плавать столетиями, как в дубильном чане, постепенно превращаясь в мумии.

– Это в воде-то? – недоверчиво спросил Эрик.

– Почему нет? – удивился я. – Например, знаменитые болотные мумии Германии и Дании. Их стали находить с середины семнадцатого века. По крайней мере, к этому времени относятся первые задокументированные находки. Возраст трупов в основном чуть больше или чуть меньше двух тысяч лет. Все они носят следы насильственной смерти: кого-то из бедолаг задушили, кого-то зарезали. Дело в том, что у германских варваров был в ходу обряд жертвоприношения богу плодородия, производимый весной. По крайней мере, так сказано у Тацита.

Следопыты засопели. Трактаты римских историков были белым пятном в их образовании.

– Вода также и оружие хорошо сохраняет, – заметил Боря. – Я свою первую железяку именно так нашел. Шкетом еще был, лазил по Пулковским высотам. А там гансовские доты таким пятиугольником стоят, соединенные ходами, а в середине еще один. Бетонный монолит: стены полметра толщиной и крыша бронированная. Они под своей тяжестью в землю ушли до самого верха и все время по крышу водой затоплены. Вот я в центральном доте пулемет и нашел. Засунул руку в зенитную амбразуру, может что найду. Пошарил, раз – нащупал. Вытянул, смотрю, эм-гэ – тридцать четыре. Фирменный такой весь, только возвратная пружина сгнила. Я из него потом одиночными стрелял, резиновый жгут к затвору пришлось привязывать. Отводишь затвор и сбоку в казенник патрон вставляешь.

– А патроны где брал? – на моей памяти, качественные боеприпасы всегда являлись дефицитом.

– Там же, на высотах, – вспомнил Боря детство золотое. – Приходилось конструировать, целых-то патронов там почти не осталось. А вот гнилых, мятых много находил. На капсюль изнутри смотришь, если глазок блестит, значит хлопнет. Пулю оттуда же берешь и порох. Немецкий порох фирменный был, пластинчатый, такими квадратиками. У меня имелось штук двадцать хороших гильз, с них и стрелял. Эм-гэ удобный пулемет, красивый.

– И куда ты его дел? – улыбнулся я.

– На мопед поменял, – мечтательно закатил глаза Боря, – на «верховину». Правда, разломал его быстро.

– Зато опять эм-гэ откопал, – утешил Эрик. – Настреляешься еще.

– Да, этот пулемет вообще фирменный, – кивнул Боря. – Весь целый, в песке железо долго лежит. Патронов только к нему не напасешься, он их жрет без меры.

– Чтобы держать эм-гэ, нужно быть добычливым раскопщиком, – заметил я.

Эрик подкинул дров.

– Давайте-ка еще по дэцелке, – сказал он, берясь за бутылку.

Пока базарили, незаметно спустилась тьма. Отвернувшись от огня, я посидел немного с закрытыми глазами, встал и пошел отлить под деревья, напоминающие суровые Шварцвальдские ели. Словно вторгшийся неведомым образом в гостеприимные русские пейзажи уголок иноземной природы, Мертвое озеро пугало своей чужеродностью.

Застегивая штаны, я подумал, что Боря настоящий везунчик, коли ему попадают такие трофеи. С ним надо работать, потому что отказываться от фартового поделника – грех. Пусть будет вроде талисмана. Впрочем, я и сам удачливый.

Мысли путались. Пошатываясь, я присоединился к компании, затеявшей жарить шашлык из колбасы. Получалось

несъедобно, зато эксцентрично. Эрик, чье задетое бориными успехами самолюбие требовало реабилитации, поведал, как он в компании раскопщиков нашел подо Мгой изъеденную ржавчиной гильзу от артиллерийского снаряда, напичканную золотыми столовыми ложками.

Врал, конечно, бесстыже. А я почему-то припомнил старую трофейщицкую байку о том, как артель «черных следопытов», человек десять, подняла из болот Ленобласти чугунную комнату, укрытую там якобы со времен Первой Мировой войны. Где конкретно случилось это поразительное открытие, было неясно, ибо мест различными источниками называлось много и все разные. Суть в том, что мужики нашли капсулу, запрятанную кем-то из сильных мира сего в преддверии роковых для Российской Империи перемен. Ломами легко взломали тронутую коррозией стенку.

Что было внутри, история умалчивает. Известно лишь, что двое сошли с ума, четверо вскоре умерли, а троих вместе с семьями забрал всемогущий КГБ. Только один, самый шустрый, сумел улизнуть и с тех пор беспрестанно колесит по стране, став бродягой и распуская самые невероятные слухи.

Не берусь утверждать, было это в действительности или нет, но легенда, рожденная на исходе советской эпохи, заставляла задуматься, как мало значения мы придаем тому, что творим, и не учитываем возможные последствия.

И еще я подумал, что бедовая артель могла испытывать

недостаток в живых оберегах. А может быть просто выпала на их долю такое уродливое везенье. Фортуна ведь кое-кому улыбается очень криво.

Выполнявший обязанности виночерпия Эрик отбросил пустую бутылку.

Посидели, помолчали, глядя на огонь. Водка закончилась и хмель уже проходил. В тусклом свете догорающего костра стали укладываться спать.

Напоследок, в качестве праздничного салюта, Боря разрядил в небо оба ствола своего дробовика.

Ночью, как обычно бывает после вакханалии, мне снились цветные сны. Я увидел Мертвое озеро. Сон был необычайно наполненный, красочный. Деревья, окружающие озеро казались по-особому черными, не такими, как вода. Воздух был неподвижен, словно сгущен; эхо над озером совсем не распространялось.

Я стоял на берегу. Была безлунная ночь, но я все отлично видел.

Помост из осклизлых бревен уходил в толщу ила и упирался в твердый слой, достигнув минерального дна, где было проложено нечто вроде настила из неизвестного материала. Я получал великое откровение, доступное лишь немногим избранным. Озеро охотно делилось им со мною. Дно его было некогда частью равнины, поросшей сочной изумрудной травой. Там стоял величественный белый храм с золотыми куполами, видимый издалека в ясную погоду во глубине тихого лесного озера. Сокрытый мертвой водою, он стоит так века, напоминая о прекрасной и печальной судьбе сгинувшего народа, и будет находиться там всегда.

Трагедия, случившаяся здесь, явилась следствием некоего катаклизма, природа которого была выше моего понимания. Храм представлял собой сосредоточение первозданной чистоты. Он остался неприкосновенным для орды иновер-

цев, нагрывавших с юго-востока, и, чтобы не быть оскверненным, скрылся от них, а яма поразительно быстро наполнилась черной водою. Дух захватывало от буйства неземных сил, чье противостояние уходило корнями в вечность.

Не меньшей загадкой было, почему временами озеро делается прозрачным, а в безлунную ночь может случиться что-нибудь уж совсем необъяснимое.

Так и вышло. Из темных вод показалась рука, сжимающая чашу. Это было знамение. Оно носило предупредительный характер. Но я не понял его.

Я проснулся с ощущением причастности к тайне. Пока компаньоны курили, валяясь в спальниках, я направился к озеру. Оно уже не казалось таким пугающим. Захотелось найти пяточок, на котором пригрезился себе. Впечатления от сна были еще свежи и тот факт, что на дне может покоиться храм, изрядно щекотал нервы. Кто знает, что на самом деле скрывает нетронутая рябью поверхность.

Догадка пришла внезапно. Я вспомнил, вернее, почувствовал это место, словно оно само позвало меня. Подойдя, я заметил прибившийся к берегу предмет.

Сзади донесся Борин клич:

– Илья, пошли принимать лечебную дозу!

Я подобрал плавающую штукюину. Это был сочащийся водой мягкий обломок доски. Оставалось только гадать, сколько он там пролежал.

День здоровья, как всякий выходной, был изнурительно скучен.

Молодежь развлекалась на свой лад, убивая время игрой в карты. Я же пошлялся по лагерю и, не в силах терпеть безделье, отправился на раскоп. Поковыряюсь немножко в земле. Любая работа доставляет радость, когда она в охотку. А меня подмывало узнать, что находится внутри кургана.

Лопата стояла воткнутая у костра, поэтому черен у нее был сухой. Я счистил с него корку грязи и начал копать. Откосы разорванной насыпи нависали надо мной словно стены глубокого оврага. От этого возникало ощущение, будто находишься в яме, хотя мы едва дорылись до уровня лесной подстилки.

Шурф был заложен в самом центре раскопа. Шурфовка предусматривала разведку в направлении к периферии последовательно в обе стороны. Я внимательно рассматривал каждую порцию грунта в поисках следов материала, составляющего крышу подкурганного склепа. Погребальную камеру могли изготовить из бревен, а сверху сделать настил, так что в первую очередь я рассчитывал обнаружить рыжий слой слежавшейся древесной трухи. Так я копал и постепенно ушел в землю по пояс.

На глубине метра лопата скрежетнула о камень. Я вздрог-

нул, адреналиновая волна горячей струей прокатилась по жилам. Сразу застучало сердце. Нашел! Ошибка вряд ли возможна. Насыпь не могла иметь посторонних включений. Значит, могильник был завален камнями.

Струйка пота скользнула с брови на переносицу, защищало в глазу. Я утерся рукавом выдавшей виды стройотрядовской куртки, вылинявшей от частых стирок. Дорылся! Осторожно поскреб находку полустёртым штыком. Точно, валун – под лопатой обнажилась широкая серая поверхность.

С воплем: «Есть такое дело!» я ворвался в палатку, где компаньоны лениво состязались в рамс. Я волновался и не скрывал своего торжества.

– Чего кричишь, – удивился Эрик. Для него обнаружение могильника было делом само собой разумеющимся. Это я, как специалист, все подвергал сомнению.

– Нечего прохлаждаться, за работу! – с этими словами я погнал поделничков к раскопу.

– Как же День здоровья? – попытался возразить Боря, махая больными ладонями.

– Хорош припухать, – оборвал я. – Начинаем арбайт по-стахановски!

Призвав к ударному труду, я показал ребятам пример. Зараженные моим упорством, компаньоны буквально вгрызлись в землю. Яма росла и ширилась, загроможда отвалами щель между половинами холма.

Показался валун – здоровенный плоский камень. Мы на-

метили его контуры и стали обкапывать по периметру. Каменюга постепенно выпячивалась из земли. Поверхность в центре была испещрена вмятинами.

Поначалу мы не придавали им значения, но когда Эрик решил отдохнуть и присел, стряхнув с валуна землю, исследования кургана сразу стали более предметными.

Моментально пропала усталость. Свернутой в комок курткой я протер казавшиеся бесформенными вмятины. Нашим изумленным взорам предстал гладкий, словно вплавленный в гранит, отпечаток огромной ладони с растопыренными пальцами.

– Начались находки, – констатировал я.

– Ух ты, – пробормотал Эрик. – Сдается, что мы выкопали надгробную плиту.

– Не факт.

Лично мне камень мало напоминал надгробие. Скорее, валун, венчающий насыпь могильника. Смущала другая деталь, ускользнувшая от внимания напарников. Рисунок ладони не производил впечатления вытесанного резцом. Для этого он был слишком плавным и объемным. Закрадывалось подозрение, что он вообще выдавлен неким неизвестным науке способом. Вообразить механику сего процесса я не сумел, как ни старался.

Находка камня здорово подогрела ажиотаж вокруг погребения. Если уж одно надгробие представляет собой настоящий парадокс для ученых, то, надо полагать, захоронение

знатного воина должно скрывать немало интересного. Эрик с Борей взялись за носилки и удалили отвалы из курганный щели. Мы углубили траншею и обнаружили много мелких камней килограммов до сорока весом. В основном, речных голышей, но встречались и обломки валунов, расколотых древними новгородцами для удобства перемещения.

С этими кусками вполне можно было справиться и вскоре мы откатали валун с отпечатком в дальний конец канавы. Вскоре – понятие весьма относительно: вкалывали мы как проклятые и пот лил ручьями, но ведь когда в охотку... Тяжелую монотонную работу скрашивала мысль о сокровище, ждущем своего часа под грудой камней.

Компаньоны забыли о Дне здоровья. Раскочегарившийся Боря согнул лом. Он уже не чувствовал боли в ободранных руках; был направлен на достижение только одной цели – добраться до магического наследия всемогущих жрецов острова Туле. Я вдобавок предвкушал изящные ювелирные изделия, периодические встречаемые в неразграбленных усыпальницах.

Наконец, каменная насыпь была убрана и лопаты вонзились в утрамбованную многотонным гнетом могильную землю.

– Осторожнее, – предупредил я, – слой может быть тонким. Постарайтесь ничего не повредить. Дайте-ка лучше я сам.

С наивозможнейшей нежностью я заработал лопатой.

Сильно сточенный штык моего давнего (еще со студенческих лет) спутника аккуратно убирал почву. Я стянул перчатки. Черенок привычно лег в ладони, приятно охладив натруженную кожу.

Говоря откровенно, для такой работы требовался совочек на короткой ручке, но ассортимент инвентаря в этой экспедиции был ограничен. Я поудобнее перехватил черен и глубоко вздохнул. Получилось сосредоточиться. Я словно слился с лопатой.

– Давай помогу, – влез Эрик.

– Не мешай!

Затаив дыхание, я слой за слоем снимал древнее напластование, ощущая штыком сопротивление грунта. Такая черновая работа на завершающем этапе, производимая слишком грубым, не предназначенным для нее инструментом, настоящая пытка. Напряжение колоссальное: так не хочется что-нибудь повредить, а сколько осталось до трупоположения, неизвестно. Весь на нервах, и лопата становится продолжением рук.

Пока слой был однородным, я с превеликим удовольствием выбирал его, но вдруг почуял, что сейчас, вот-вот сейчас должен буду коснуться... Нюх археолога не обманул меня. Штык бережно ткнулся в некий твердый предмет и я убрал лопату.

– Есть!

– Что есть? – встрепнулись сидящие на краю ямы напар-

ники.

– Что-то есть, – нервозно выдохнул я, – что-то, принадлежащее усыпальнице.

– Помочь? – Боря достал складной нож.

– Если нетрудно, – деликатно отверг я медвежью услугу, – принеси ложку.

– Ложку? – трофейщик Боря не догонял, что ножами иступленно раскапывают гробницы только в кино.

– Если хочешь присоединиться, то две.

Боря убрал складник и споренько обернулся с инструментом.

– Работаем ювелирно, – проинструктировал я. – Помните, что вещи в земле хрупкие, поэтому грунт не роем, а отгребаем. Любой твердый предмет аккуратно обкапываем. Никакую приставшую к нему грязь не отскребаем и уж тем более не оббиваем. Никаких ножей! Поняли?

Первым твердым предметом оказалась берцовая кость. Мы вместе долго откапывали ее, не веря, что бывают человеческие кости такой длины. Поставленная вертикально, она достигала Боре до пояса. Былины говорили правду. Хотя ильменьские славяне преимущественно были низкорослы, среди них встречались подлинныe гиганты.

* * *

К вечеру следующего дня мы закончили извлекать из зем-

ли останки богатыря и сопутствующие захоронению предметы. Долго гадать, что послужило причиной смерти великана, не пришлось. Вскоре я с волнением держал в руках огромный череп, удивляясь, какой силы должен был быть удар, чтобы проломить титанической толщины затылочную кость. Били чем-то большим и круглым, наверное, булавой, подкравшись сзади. Археологи любят выдумывать на досуге романтические истории своим находкам. Кто и при каких обстоятельствах замочил чудо-богатыря и каково было его имя, осталось для меня тайной. Впрочем, это и не важно. Мы нашли Доспехи.

С виду они были ничем не примечательны: наборные, из стальных пластин и вполне нормального размера. Если только не принимать во внимание тот факт, что они пролежали в земле четыре с половиной века. Более всего они напоминали новодел для клуба реконструкторов-медиевистов.

Доспехи Чистоты находились в изголовье погребения и были самой целой вещью, обнаруженной в кургане. Они остались абсолютно нетронуты коррозией. Даже кожаные ремешки сохранились. В какой-то мере Доспехи являлись воплощением неземной чистоты. Отмытая во Мсте полированная сталь засияла в лучах вечернего солнца. Время было не властно над изделием мастеров Туле и от этого верилось в его священные свойства.

Прочие находки ржа съела полностью.

С личными вещами у витязя было негусто. Из амуниции

на усопшем присутствовали остатки великанских лат в виде хрупких, почти кружевных, нагрудных пластин, дюжины поясных бляшек и распавшегося на бесформенные куски громадного шелома. По правую руку помещалось нечто гнилое и ржавое, напоминающее окованную железом дубину, видимо, излюбленное оружие богатыря. Остальное превратилось в рыжую пыль.

К моему величайшему сожалению, ни серебра, ни злата в могилу положено не было. Видать, решил не баловать князь пышными проводами в загробный мир своего чудо-богатыря. Наверняка, как и все от природы наделенные силушкой немеряной, самодура и буяна. Которому проломил жбан в пьяной драке такой же дружинник-отморозок. Насчет драки я почти не сомневался, все-таки шелом откапывал лично и мог убедиться, что надевали его на уже пробитую голову. Шелом было особенно жаль, такой уник мог стать настоящим украшением моей домашней коллекции, но, увы, он буквально рассыпался под пальцами.

Огорчение от безвозвратной утраты останков богатыря с лихвою компенсировалось находкой куда более важного артефакта – Доспехов Чистоты. Мы торжествовали. Легендарный амулет Третьего Рейха, созданный на прародине древних германцев, острове Туле, существование которого долгое время ставилось под сомнение, был в наших руках.

По этому поводу устроили пиршество. Развели высоченный «пионерский» костер до небес и побросали в него раз-

ный хлам, скопившийся на стойбище. Все равно утром уезжать. Из продуктов отложили только позавтракать, остальное съели или сожгли в виде искупительной жертвы языческим божествам. Мосталыги гиганта уложили обратно в яму и закидали могильник землей. Затем справили по нему повторную тризну. Покойник должен был остаться на нас не в обиде – не каждому воину выпадает счастье быть чествованным по смерти дважды, да еще почти полтысячелетия спустя!

Отметили, надо сказать, от души. Пили как в последний раз. Плясали, прыгали вокруг костра. Боря спел «Хорст Вессель», оказывается, знал полный текст. Я с выпивкой старался не пыжить, все-таки за руль завтра, а компаньоны высали до последней капли – водку лить в огонь было жалко.

Сегодня Бахус был в фаворе. Сварожич³ создал на площадке «черных археологов» свой маленький ад. Костер полыхал так, что на росших поблизости деревьях заворачивалась в трубочку листва. Взлетали над кронами оранжевые трассирующие искры. Думаю, усопший был нами доволен.

В конце пиршества мне пришлось затаскивать едва тёплого Эрика в палатку. Боря на автопилоте добрал до спального сам.

Я же был почти не датый. Настолько, что дождался пока догорит огонь и нашел силы предпринять пару челночных

³ В славянской мифологии: священный жертвенный огонь, сын Сварога – бога небесного огня.

рейсов к Луже с чайником и резиновым ведром. Залив смердящие тиной угли, присоединился к коллегам. В преддверии дальней дороги следовало слегонца вздремнуть.

Разбудил меня крик. Сон сразу как рукой сняло. Крик был жуткий, леденящий кровь. От него сразу заворочались Боря с Эриком. Неподалеку происходила лесная трагедия. Душе-раздирающий крик не прекращался:

– Йийй-йя-йя-йя-йя-йя!!! – тонкий пронзительный лай. Так могла вопить только смертельно раненая лисица.

Сна уже не было ни в одном глазу. Вдобавок, снаружи начинало светать. Проклятая лиса не умолкала и я решил ее поискать. Все равно с отдыхом был в расчёте.

Я нашарил борино ружье, откинул стволы и пощупал казенник. Заряжено. Бормоча невразумительные ругательства, я раздернул входной клапан и выбрался из палатки. Сейчас найду эту чертовку и заткну ей глотку! За спиной слышался чей-то залиvistый храп.

Выяснилось, что на улице рассвет вступил в полную силу. Над травой выше пояса висел туман. В темно-синем небе вырисовывались рога бывшего кургана.

Я поозирался. Лиса прекратила орать, но я уже твердо настроился произвести расследования. Крик доносился вроде бы со стороны раскопа. Ну, где у нас лисьи норы?

Мне казалось, что я знаю все звериные нычки, но когда понадобилось, они словно растворились. Вознося хулу на все лисье племя, я битый час лазил по холмам, пошатываясь на

нетвердых ногах. Уже сошел туман и заря запылала на востоке, а я как неприкаянный бродил кругами, кидаясь к любой подозрительной тени.

Наконец, я нашел нору. Причем ту, какую нужно. Выброшенный из недр невысокой холмистой гряды песок был забрызган кровью. Потирая опухшее лицо, я принялся дотошно изучать следы.

Через минуту я был не рад, что вписался в эту авантюру. «Тоже мне, охотничек нашелся!» Есть такая штука как спасительное неведение. Меньше знаешь – крепче спишь. Что мне стоило потерпеть в палатке совсем немного, а потом попытаться заснуть? Или начать укладывать вещи – ведь скоро уезжать. И уехал бы со спокойной душой. Так нет!

Следы были не только лисьи. И вообще не звериные. Песок у норы был по-особому примят. Сохранились свежие отпечатки чего-то толстого и длинного. Ползущего... На песке осталась слизь.

За недостатком времени трава не успела распрямиться и алые капли сопровождали этот след. Далеко идти не пришлось. След привел к Луже. Кто-то выбрался оттуда, подкараулил и схватил лису. Затем утащил в свое затопленное подземное царство. И, умирая, лиса кричала, пока не исчезла в пучине.

Я попятился прочь от Лужи, наставив стволы на ее угрюмое жерло. А когда она скрылась за деревьями, развернулся и побежал в лагерь. Жуткие домыслы метались в моей

несчастной башке: что, если пока я шнырял по округе, прожорливый пещерный хищник, закусив лисой, вознамерился поживиться чем-то посущественнее и набил утробу компаньонами!

Последняя догадка привела меня в трепет. С ружьем наперевес я устремился к палатке, желтым фонарем светившейся промеж деревьев. Там царило безмолвие.

Покрывшись испариной, я добежал до нее, выискивая глазами характерный след выползня, но после вчерашней гулянки по лагерю могло пройти незамеченным стадо слонов.

Когда я ворвался в палатку, мои алканы дрыхли без задних ног. Им все было нипочем!

– Гитлер Тельмана пшенкой кормил, чтобы у него мозги засохли, – я брезгливо отодвинул тарелку.

– У кого именно? – тоном наивной курсистки поинтересовалась Маринка, делая вид, будто арестантская гипотеза о влиянии питания на умственную деятельность не произвела на нее ни малейшего впечатления. Равно как и моя реакция на поданный завтрак.

– Наверное, у обоих, – подумав, ответил я. – Только у того, кто потчует ближнего одними погаными кашками, мозги отсыхают быстрее. Учти это, дорогая.

– Есть еще вкусный компот, – торопливо сообщила Марина.

– Какой компот, я мяса хочу!

Маринка надула губы.

Мяса не было. Пошмонав по сусекам, я отыскал сиротливую банку шпротов. За мясом надо было идти в магазин.

Забренчал телефон. Марина сняла трубку.

– Иди, тебя, – пригласила она. – Папик прорезался.

«Папиком» мы звали Остапа Прохоровича Стаценко.

Одна из несомненных прелестей знаменитости заключается в том, что к тебе начинают тянуться тщеславные богатеи. Для многих нуворишей знакомство с известной личностью является актом приобщения (пусть даже чисто иллю-

зорным) к прекрасному и благородному, в условиях деловой жизни недоступному. Поэтому «новые русские» и стремятся сойтись на короткой ноге с артистами, писателями, музыкантами и прочими деятелями культуры. Господину Стаценко, вот, повезло на археолога. Меня то есть. Причем археолога прославившегося передачей родному питерскому музею драгоценной реликвии и денег за это не получившего. Вознаграждение витало где-то в кулуарах Гохрана, что делало меня, по мнению Остапа Прохоровича, сущим бессребренником. Общение с таким ангелом бескорыстия возвеличивало его в собственных глазах, при этом он старался казаться благодетелем и периодически угощал меня обедами в хороших ресторанах. Вероятно, считал, что тем самым спасает нищего ученого от голодной смерти. Сейчас его звонок был как нельзя кстати.

– Я пришлю за вами машину, – Остап Прохорович был сама предупредительность.

Это было что-то новенькое. Господин Стаценко приглашал отобедать к себе в апартаменты. Что ждет там истощенного, обделенного жизнью археолога?

– Я завтракать не буду, – сообщил я Маринке, – поберегу аппетит для обеда. Есть еще на свете люди, которые обо мне заботятся.

– Никак твой кормилец к себе призвал, – выпустила коготки Марина. – Меня с собой возьмешь?

– А вот тебя, дорогая, в списках приглашенных не зна-

чиц-ца! – не без удовольствия отвечал я нерадивой супруге.

По голосу Остапа Прохоровича я заподозрил, что сия встреча должна была носить деловой характер. Недаром она планировалась в приватном месте.

– Спасибо, милый, ты как всегда учтив, – надулась Марина.

– Обстоятельства заставляют, – вздохнул я.

Серебристая «Ауди-100» с незаконной мигалкой на крыше в полной мере соответствовала своему пижонистому хозяину. Господин Стаценко промышлял торговлей природными ресурсами, добываемыми на северо-востоке Ленобласти. В частности, лесом и полезными ископаемыми, сопутствующими добыче бокситов. И поскольку работа его была связана с разъездами, основной служебной машиной являлся «Мерседес-500», более приспособленный к колдобинам Мурманского шоссе. «Аудишка» же предназначалась исключительно для внутригородских маршрутов. Молчаливый шофер быстро домчал меня до двухэтажного особняка в Озерках. Охранник в нейлоновом камуфляже распахнул железные ворота и машина плавно закатилась во дворик, отгороженный от окружающих дачных развалюх глухим забором красного кирпича.

Остап Прохорович вышел встретить меня на крыльцо.

– Добро пожаловать, Илья Игоревич, в мою скромную обитель, – господин Стаценко изо всех сил старался ка-

заться владельцем родового замка, неким псевдоевропейским аристократом, чему способствовала представительная внешность (должно быть его дедушка проезжал через Украину на «Тигре») однако прорывавшийся временами хохляцкий говорок с головой выдавал малоросского провинциала.

Насколько мне было известно, в бытности своей Остап Прохорович занимал пост первого секретаря Ставропольского горкома. Волна демократических реформ сорвала с замшелого камня периферийного областного центра, «вознесла его высоко» и, схлынув, оставила на плодородной почве промышленного городка при северном мегаполисе. Поскольку партийцы не забывали своего товарища, расторопный Стаценко сумел подсуетиться и занял нишу патриция в деловом мире данного региона, со временем прижившись непосредственно в Санкт-Петербурге. Мы познакомились в антикварном салоне «Галлус». Остап Прохорович делал там покупки. Директор магазина, отец моего ныне покойного одноклассника Гоши Маркова, представил археолога как предмет обстановки салона своему постоянному клиенту.

С тех пор наши встречи стали носить регулярный характер.

Обитель Остапа Прохоровича оказалась не такой уж скромной. В смысле, средств в нее вложенных. Что же касается ее внутреннего убранства, то художественный вкус у дизайнера явно хромал. Евростандартовская отделка жилища диссонировала с резной мебелью, какую делают на заказ

эски в Металлострое, качественно стилизованной под девятнадцатый век. Подлинным антиквариатом были вазоны, плафоны и гобелены, а также книги. Должно быть, Остап Прохорович любил на досуге полистать первоиздания классиков.

– Нравится? – спросил он.

– Приличные апартаменты, – сдержанно улыбнулся я.

Стаценко залоснился, восприняв мою улыбку как похвалу. Мы разместились в гостиной за большим обеденным столом. Дразнил нос аромат ухи из стерлядки. А меня на завтрак кашей потчевали! Остап Прохорович собственноручно налил по рюмке перцовки из запотевшего хрустального графинчика. Для разжигания аппетита. Так и получилось. Горилка в один глоток скользнула ледяной струей по пищеводе, оставляя во рту горький перечный привкус, и запылала внутри, распространив в животе волну тепла.

Сразу захотелось есть. Некоторое время мы безмолвно удовлетворяли это первобытное чувство, после чего Остап Прохорович провозгласил:

– Ваше здоровье, почтеннейший Илья Игоревич!

– Да что там мое здоровье по сравнению с мировой... наукой, – поскромничал я.

«Говно вы, батенька, по сравнению с миговой геволуцией». Но коммунист Стаценко не заметил иронии.

– А также за процветание науки археологии в вашем лице, – благожелательно закончил он.

Мы выпили. Девушка в белом кружевном передничке

убрала пустые тарелки и подала второе. Я с жадностью впился в сочный севрюжий шашлык. Угощал Стаценко воистину по-царски.

– Как работается, – осведомился он после перемены блюд, – выкопали что-нибудь новенькое?

Как всякий далекий от археологии человек, Остап Прохорович наивно полагал, что жизнь ученого проходит исключительно на площадке. Насчет меня он, правда, угодил в яблочко. Другое дело, что, будь я государственным археологом, львиную долю времени пришлось бы провести не на раскопках, а в запаснике, занимаясь кропотливым описанием найденных предметов. Достаточно канительное, надо сказать, дело, требующее большой усидчивости и лишенное, по мнению людей несведущих, романтизма. Уж я-то знаю.

Но, впрочем, бюджетником я не был и поэтому господин Стаценко оказался близок к истине.

– Вы прям как в воду глядите, Остап Прохорович.

– Прозорливость в нашем деле штука не последняя, – изрек Стаценко.

– Аналогично.

– Не сомневаюсь. Отнимать у земли ее тайны – хлеб насущный для вашего брата. Для этого нужно иметь некоторый нюх. Как я догадываюсь, он у вас есть, не так ли?

– Так, – сдержанно отозвался я.

К чему он клонит? Клады хочет предложить поискать? Желанием вписываться в забавы «новых русских», соизво-

ливших поразвлечься кладоспортом или поиграть в старател-лей, я не горел. Тем не менее с возражениями спешить не стал, желая узнать, к чему приведет разговор.

– Согласились бы вы применить ваш нюх для общего дела, если бы вам за это заплатили?

– Смотря что подразумевать под «общим делом», – к та-кому обороту я не был готов.

– Вы человек идейный? – прилип папик как банный лист.

– Относительно, – я старался отвечать нейтрально. Интере-сно, о каких идеях может идти речь у члена коммунисти-ческой партии?

Стаценко внушительно хмыкнул.

– Я придерживаюсь идеи личного благополучия гражда-нина как основы процветания всего государства, – поспешно заявил я.

– Разумно мыслите, – кивнул Остап Прохорович. – Я ви-жу, вы не склонны к жертвам ради идеалов.

– К счастью, родина не требует, – сказал я, запуская ло-жечку в воздушное суфле из креветок. – Эпоха бескорыст-ного самопожертвования во имя высоких до маразма целей канула в Лету.

Папик сделал губки сердечком.

– Оно и к лучшему, – задумчиво заключил он. – По-сво-ему, вы правы, Илья Игоревич.

Придя ко взаимному согласию, мы дружно расправились с десертом и Остап Прохорович продолжил познавательную

экскурсию по дому. В силу специфики своей работы общаясь с богачами, я имел возможность подметить такую характерную черту их характера как неудержимое бахвальство. Машины, часы, а также прочие навороты, которые «новые русские» демонстрируют с таким апломбом, дополнились теперь изысканными диковинами вроде дворянского титула или небесного тела, носящего имя обладателя толстого кошелька. *Caveat emptor*⁴

По-моему, Стаценко тоже хотел что-нибудь разэдакое, чего нет и вряд ли может быть у других. И, похоже, рассчитывал получить сие через меня. Например, сногшибательную меморию с дарственной табличкой в престижном музее. Предположения роились у меня в голове, пока Остап Прохорович водил меня по коттеджу. Сам он ни о чем подобном не заикался. Просто водил и показывал. Время откровений пока еще не настало.

В одной из комнат, вдоль стен уставленной застеклёнными книжными шкафами, мы сделали остановку. Устроились за курительным столиком, заботливо укомплектованным всеми причиндалами. Я осмотрелся. Комната предназначалась под библиотеку, однако, меньше всего её напоминала, отсутствовал свойственный библиотекам покой. Да и мебель не гармонировала со стенами. Комната была примером неудавшегося замысла, как многое в этом доме.

Стаценко достал из хумидора сигару, отрезал кончик ма-

⁴ Качество на риск покупателя (лат.)

ленькой гильотинкой «от Кензо» и закурил. Зная, что я не курю, мне не предложил, но вопросительным взглядом удостоил – из вежливости. «Что может быть лучше хорошей сигары после обеда!» Показное смакование сигар – еще одно из повальных чудачеств нуворишей, как и увлечение сопровождающими курительному культу принадлежностями наподобие шкатулок с искусственным микроклиматом ценою в плохенькую квартиру. Аристократы новой генерации с удовольствием перенимали ставшие доступными благородные замашки.

– Нравится вам мое букинистическое собрание? – Стаценко обвел рукой шеренгу строго поблескивающих стеклами шкафов. От сигары в воздухе протянулся размашистый дымный след.

Я пожал плечами.

– Не знаю, покамест не имел чести узнать, какие в нем находятся экземпляры. Но выглядит, во всяком случае, внушительно.

– Так вы поглядите, – Остап Прохорович с неожиданной для распушенного на пятом десятке лет буржуйского брюшка легкостью вскочил и распахнул дверку.

Посмотреть вообще-то было на что. Библиотека Остапа Прохоровича не относилась к разряду новорусских мулечек, когда «для виду» подчистую скупаются домашние архивы, лишь бы пыль в глаза пустить столь же темному гостю. Тут я папика недооценил. Господин Стаценко отнюдь не собира-

тельством занимался.

– Что вы на это скажете? – выволок на столик Остап Прохорович пачку журналов. Судя по голосу, гордость коллекции.

– Издание начала века, – я взял верхнюю брошюру в невзрачной обложке, украшенной рисунком кометы.

Журнал назывался «Ostara» и я держал первый его номер.

– Имеете представление, что оно такое? – заговорщицки осведомился Стаценко.

Я имел. На профашистскую тему мне в последнее время пробила дурная масть. Носящий имя готской богини весны журнал был основан в 1905 году Йоргом Ланцем фон Либенфельсом – создателем теории расовой соматологии, поделившей народы на высшие и низшие. Идеи цистерцианского монаха-отступника породили арио-героический культ гитлеровской Германии, загрузивший работой печально известные лагеря смерти. «Ostara» же, согласно его манифеста, задумывался как журнал, использующий антропологические данные для того, чтобы научным образом сломить восстание низших рас и защитить благородство расы европейской. О реализации этого замысла мир с содроганием вспоминает до сих пор.

Но кое-кого история так ничему и не научила. «Ostara» было выпущено более сотни номеров и у Остапа Прохоровича, похоже, имелась вся подшивка: шкаф был буквально набит стопками идентичных корешков. И он ею гордился, вот

это всерьез настораживало.

– Неплохая коллекция, – похвалил я. – Она полная?

– Целиковая, – похвастался Стаценко, подтвердив мои подозрения. – Здесь все номера.

– Ну-ну, – я пролистал журнал, втягивая ноздрями сладковатую бумажную пыль.

– Вы ученый человек, – молвил Остап Прохорович, – и умный.

Кажется, наступал момент истины, чего и следовало ожидать, неспроста же меня пригласили. До сих пор я пребывал в неведении относительно его планов. Интересно, что может быть нужно от бедного археолога?

– Компетентный, я бы так сказал. В своей области. Никак не более того.

Я умышленно поскромничал, но на папика произвел впечатление.

– Ваша беспринципность мне даже нравится, – молвил он. – Отсутствие идейной направленности, кроме четкой ориентировки на достижение личного благополучия, выдает в вас сибарита.

«Какой наблюдательный господин, – не без неприязни подумал я. Остап Прохорович, открывавший доселе незнакомую сторону личной жизни, удивлял все больше. – Какие еще сюрпризы ждут меня впереди?» Недооценивать работника партаппарата было попросту небезопасно.

– Вам известна система градации, существовавшая в кай-

зеровской армии? – Стаценко прошел к столу и сел напротив меня, отодвинув локтем пачку «Ostara». В моем лице он нашел отзывчивого слушателя – я постарался состроить соответствующую мину. – Между тем, иерархия была весьма четкая. Низшую касту командного состава представляли глупые активисты, следующее место занимали не блещущие умом лентяи – вреда от них было значительно меньше. На более высокой ступени стояли умные, но излишне деятельные офицеры, а вот подлинной элитой армии являлись умные и ленивые. Они были самые полезные, но, поскольку сочетание таких качеств – редкость, наверху находилось именно это интеллектуальное меньшинство. Что вполне естественно, так как наиболее рациональные управленческие структуры строятся по принципу пирамиды.

– Так устойчивее, – добавил я.

– Вот именно, – согласился Стаценко. – Мне кажется, Илья Игоревич, у вас есть все данные, чтобы принадлежать к последней категории управленцев.

Мне сделалось не по себе.

– Благодарю за комплимент, – сказал я. – Только не понимаю, к чему вы клоните?

– Сейчас поясню. Хотя мне кажется, что вы больше осторожничаете, – показал в улыбке ровные белые зубы Остап Прохорович. – Дело в том, что отсутствие общественно полезных потугов характеризует вас как пассивного в положительном плане индивидуалиста. Кроме того, вы далеко не

группы, в чем я имел возможность убедиться, понаблюдав за вами в ходе наших бесед. Чего вам не хватает, так это навыков руководителя, но они легко нарабатываются практикой. А для этого у вас есть все способности, можете мне поверить.

Мне показалось, что господин Стаценко откусывает несо-размерно больше, чем может проглотить.

– Чего же вы хотите от бедного археолога? – задал я давно вертевшийся на языке вопрос.

– Чтобы он попробовал себя на руководящей работе.

– А ну как не справлюсь?

– У вас должно получиться.

– По-моему, вы малость переоцениваете мои способности, – не сдавался я.

– Уверяю вас, испытание не будет серьезным.

– Испытание? – слово очень не понравилось мне.

– Можно назвать так. В конце концов, всякое вступление в новую должность есть маленькое испытание. Смена обязанностей увеличивает нагрузку, не скрою. Мне хорошо известны эти тернии власти – ее неотъемлемые атрибуты. Я ведь сам управленец, как это называлось прежде – номенклатура.

Я заметил, что папик говорит моими словами. Подстраивается под манеру речи собеседника, значит стремится расположить к себе. Трюк нехитрый, но действенный. Остап Прохорович проявил исключительную наблюдательность, чем и насторожил: а не является агентом Большого Брата? Интерес ФСБ к моей особе вполне объясним, я крепко по-

вязан с теневым рынком антиквариата. Правда, зачем разрабатывать меня таким дорогостоящим образом, когда можно изловить гораздо более простым и надежным способом: на нелегальной сделке? Да и других дел у меня наворочано немало – сколько угодно зацепок для добротного шантажа. Или чекисты решили сначала попробовать по-хорошему?

Должно быть, целая гамма сомнений отразилась у меня на лице, потому что Стаценко вдруг подался вперед и доверительно сообщил:

– Если справитесь, оплата целиком и полностью вас устроит. В этом вы не сомневайтесь, Илья Игоревич.

– А с кем, собственно, мне придется работать и, главное, на кого? – за хорошие деньги или нет, сотрудничать с Большим Домом мне в любом случае претило.

– Работать придется с людьми. Не очень умными людьми. А на кого – сами рассудите, – хлопнул папик ладонью по пачке «Ostara».

Теперь я был почти уверен, что меня вербуют. Причем бездарно либо внаглую, то есть открыто, не вуалируя заказчика, фактически, ничем.

– Нет, – улыбнулся я и покачал головой. – Боюсь, не получится.

– Да вы не бойтесь, – когда требовалось дожимать, Остап Прохорович мог быть наглее стаи колымских педерастов. – Не скрою, хлеб управленца поначалу кажется горек, но стоит попробовать и он понравится. Потом никакой другой жизни

не захочешь. Уж поверьте вы мне, дорогой Илья Игоревич!

– Нетушки, – куда более категорично отказался я. – Из меня плохой начальник.

Я бы скорее подмахнул собственной кровью дьявольский циррограф, нежели согласился взаимодействовать с органами.

– Но почему?

– Я не лидер и командирских задатков у меня нет.

– Ну що ж вы так упираетесь, – мягко пожурил Остап Прохорович, сбившись на малоросский акцент. – Если бы знали вы, Илья Игоревич, какие замечательные перспективы открываются у вас на этой работе.

– Какие?

– Замечательные, – распространять о подробностях новой работы, не добившись моего согласия, Стаценко не собирался. – Как в отношении денег, так и общественного положения.

С точки зрения банальной эрудиции, даже для оперативной работы госбезопасности условия были слишком шикарные. Но если не госструктура, то что?

– Вы подумайте, Илья Игоревич, не спешите с ответом, – видя, что от меня ничего не добьешься, отпустил с миром Остап Прохорович. И попросил напоследок. – Только о нашем разговоре пока никому, ладно? Поразмыслите над этим как следует. На самом деле вы достойны большего, чем вам кажется.

Вот и пойми, что на уме у этих «новых русских»!

Домой меня доставила все та же серебристая «Ауди-100» с мигалкой.

Маринка скучала перед телевизором.

– Поразвлекался? – в голосе сквозила плохо скрываемая зависть.

– В некотором роде, – бледно улыбнулся я.

Марина давила на «лентяйку», бесцельно переключая программы. Смотреть было нечего.

– Как живет папик?

– Хорошо живет, нам бы так.

– Что было на обед?

– Рыба.

– Да ну, – пренебрежительно фыркнула Маринка. В ее представлении рыбный стол ассоциировался с отварным минтаем и копченой скумбрией, постной и жесткой. – Он что, круто верующий?

– Верующий? – я был слегка озадачен, потом сообразил, что сегодня постный день. – Может быть.

Другой вопрос, что я затруднялся определить принадлежность Стаценко к какой-либо из распространенных конфессий. Из головы не шло, с какой гордостью Остап Прохорович демонстрировал коллекцию «Ostara». Словно пароль сообщал. Да и заточка у него не фээсбэшная, сексота я уж сумел

бы распознать.

В противоречивой личности Остапа Прохоровича было много странного. Даже закрадывалось подозрение в его арио-христианском вероисповедании. Он ведь приспособленец по натуре своей. Такому без разницы, в какой номенклатуре состоять: что в СС, что в КПСС.

– К тебе сосед заходил, – сообщила Марина.

– Какой сосед? – занятый своими мыслями, я не сразу врубился.

– Боря. Я сказала, что у тебя интимная встреча.

– Приватная, ду... э-э, дорогая моя!

Маринка, работавшая в период нашего раздельного проживания секретарем-референтом, умела подать информацию, искажая по своему усмотрению незначительной подменной интонаций.

– Ну а я как сказала? Разницы нет. Ты не волнуйся, милый, он не сильно расстроился.

– Еще что было? – пропустил я ее колкости мимо ушей.

– Мама звонила, – по исключительной невинности тона, не предвещающей ничего хорошего, я догадался, что мама была не моя. – Интересовалась, как у тебя дела. Я ей наболтала про раскопки, ты уж не обессудь, милый.

– Да чего мне сердиться, дорогая, – парировал я. – Мы с мамой теперь друзья. Ей, наверное, понравилась наша встреча.

– Она под впечатлением, – бесстрастно согласилась супру-

га, – и папа тоже. Я их, кстати, пригласила к нам. Надо же им у нас побывать. Это ведь нормально, когда родственники ходят друг к другу в гости, правда, милый?

– Что естественно, то не безобразно, – настроение стремительно падало.

Маринка просияла.

– Они навесят нас на днях. Тебе понравится, честное слово!

– Не сомневаюсь, – ответил я, – и Славе тоже. А уж как обрадуется Боря – вообще нет слов!

Настала моя пора радоваться.

– А вот этого не надо, – насупилась жена. Она выключила телевизор. Большой экран погас, в комнате сразу стало темнее. – Давай обойдемся без общества друзей. Не порть людям праздник.

– Что русскому здорово, то немцу смерть, – сумничал я.

Дистанционный пульт брякнулся на диван. Марина встала и подошла ко мне.

– Ну пожалуйста, милый, – протянула она, обнимая меня за шею. – Давай будем как все нормальные люди.

«Нормальные люди не делают из родни гладиаторов», – подумал я, но вслух почему-то не сказал.

* * *

– Мы нашли покупателей! – Эрик сиял как начищенный

медный самовар.

– Зачем? – брюзгливо спросил я.

Возникла короткая пауза. Компаньоны не понимали, чем вызвано мое раздражение. О, если бы они знали, какую хулу я возношу на них в данную минуту! Не терплю дилетантской самодеятельности.

– Как зачем? Чтобы Доспехи продать. Мы же их для этого копали. Или что? – растерялся Эрик.

– Зачем вы стали искать покупателя без моего ведома?

– Чтобы побыстрее продать, – буркнул Боря.

– А что, нельзя? – спросил Эрик.

– Мы же договорились, что вопросом реализации занимаюсь только я. Был такой уговор?

– Был, был, – нехотя сознался Эрик.

– Тогда какого лешего вы полезли, инициативу захотелось проявить? Что, если я уже условился со своим постоянным клиентом? Неприятности ведь могут получиться, если наши интересы перестанут состыковываться.

Доспехи Чистоты хранились у меня, что позволяло диктовать компаньонам свои условия.

– Ты нашел покупателя? – обрадовался Эрик.

– Пока нет.

– Тогда что ж ты нам выговариваешь?! – знак вопроса буквально полыхал в глазах Эрика гневным огнем. – У тебя несрастушки, мы находим клиентов, и ты еще недоволен!

Я смиренно переждал всплеск благородного негодования

и, когда эмоции улеглись, объяснил:

– Други моя! Важно ведь не просто найти покупателя. Главное, чтобы клиент был надежным. Чтобы он не засветил сделку перед бандитами или не впиндюрил нас ментам либо сам не оказался ментом. Такое уже было в моей практике, когда из-за дурака подельника мне пришлось отсидеть трешник. Удовольствие ниже среднего, признаюсь вам. Эти три года лишними не были и назад их при всем желании не вернешь. И я не хочу снова наступать на те же грабли. Вы, господа, покамест не приучены к осторожности, а она – основоопределяющий фактор в нашей работе. Желающих обзавестись уникалом и располагающими для этой цели свободными средствами хватает повсюду, куда ни плюнь. Они даже готовы продемонстрировать вам грудку зелёной налички. Но где уверенность, что это не ментовская прокладка или что вас банально не наметили шваркнуть бандюки? Лично у меня такой уверенности нет, поэтому я контакту исключительно с проверенными клиентами, связи с которыми нарабатывались годами, но даже с ними держу ухо востро. А вы сполтычка завязались с какими-то пацанами, пронирыливые вы мои. С вами такими дела вести это себя не любить. Если угодно, можем установить цену на Доспехи и я выплачу вам причитающуюся долю. Хотите?

Компаньоны покорно выслушали мою отповедь, разбежаться не хотели. Для них наши отношения не ограничивались единовременными финансовыми интересами. Оба же-

лали копать со мною и в дальнейшем, надеялись поднабраться опыта и, даст Бог, стать такими же известными. Трофейщики прочно вставали на кладоискательскую стезю. Обнадеженные первым результатом, они были готовы идти по этому пути до конца. Пока – под моим руководством.

– Ладно-ладно, – пошел на попятный Эрик, – не сердись.

– Мы все поняли, – наклонил голову Боря.

– Вот и я думаю, что я прав, – примирительно сказал я.

* * *

Однако, это было пагубное заблуждение. Мне даже почитать спокойно не дали. Два брата-акробата словно вознамерились сжить меня со свету своими чудачествами.

Только все их чудачества начинались на букву «м».

– Извини, Илья, так уж вышло, – вновь прибывшие ко мне подельники выглядели как мокрые коты. – Разойтись с пацанами не получилось. Теперь они хотят встретиться с тобой.

– Не принимают отказа, – вздохнул Боря.

– Требуют, чтобы ты им сам обосновал, – поник головой Эрик.

Обосновал! Меня аж покорежило: словей-то каких жаргонных поднабрался, болван! У пацанов, видите ли, возникли непонятки. Требуют перетереть со старшим, чтобы он объяснил, на каком основании отказал. По понятиям объяснил, в натуре! Ну, тут без разборки не обойдется.

– Стрелу уже забили? – осведомился я.

– Ждут, когда ты им позвонишь, – сообщил Эрик. – Номер трубы оставили.

Начинающие предприниматели антикварного бизнеса совершили самую распространенную по нынешним временам ошибку – попались на крючок к бандитам. Мало того, они втягивали меня! Бантики, судя по всему, попались мелкие, на уровне заблатовавшей дворовой шпаны. То есть самые вредные: человеческого языка не понимающие и решившие срубить денег на шару. Только свойственным безмозглым быкам нахрапом я мог объяснить возникшие на пустом месте «непонятки». Выискав зацепку, братва предъявила лохам претензии и теперь без выплаты неустойки за несостоявшуюся сделку не успокоится. Я пребывал в замешательстве. Ведь как сердцем чуял! Неприятность, если может случиться, случается обязательно. Выкрутасы компаньонов могли мне дорого обойтись. Воистину, с лохами жить по-волчьи выть!

– Что будем делать, Илья? – подал голос Эрик.

– Что делать, что делать – думать! – огрызнулся я. – Большинство преступлений случается по глупости. В основном, со стороны потерпевшего. Пора разорвать этот порочный круг и начать думать, прежде чем что-нибудь сотворить. Самое время научиться шевелить мозгами, ч-мудаки!

Чмудаки засопели, переживая шквальную критику в свой адрес. Вид у них был настолько понурый, что камень бы

треснул от жалости. Но сердце не камень и я не разжалобился. Пуская мужественно терпят. Расхлебывать кашу все одно не им. Нам со Славой. Я знал, что всегда могу надеяться на его помощь, и был у друга в неоплатном долгу.

Слава оказался дома. По голосу я понял, что ему давно нечем заняться.

– Развлекалова ищешь? – осведомился я, поглядывая на замеревших у телефона подельников.

– А чего?

– Есть.

– Какое?

– Шпану надо разогнать, – я в двух словах обрисовал ситуацию.

– Ну, какие проблемы! – обрадовался корефан. – Ты меня заберешь или мне куда подъехать?

У меня отлегло от сердца.

– Я тебя заберу, ја, ја, – за Славой я был как за каменной стеной. – Сейчас с братвой перетру относительно времени и поедем.

– Идет.

Опустив трубку, я перевел дух.

– Ну что! – дыбанул я на Эрика. Эрик потупился. – Звони пацанам на трубку, ком-мер-сант!

Стрелку забили на Ржевке, неподалеку от Института текстильной промышленности. Местом толковища должен был стать пустынный берег реки, куда мы прибыли вчетвером. На

переговоры подобного типа влияет, конечно, не число голов, а число стволов. Стволов у нас насчитывалось три – пистолет Стечкина у меня и пара «вальтеров» у Славы. Чмудакам оружия не дали. Их дело сторона: не вмешиваясь наблюдать, как отлетают претензии. Больше, поклялся я себе, таких бесплатных уроков не будет.

Место встречи пустовало. Даже машины не ездили. Сстиснутая замусоренными берегами Охта несла в одном ей известном направлении свои коричневые воды. Угрюмо стояли приземистые корпуса пороховых заводов. Вдалеке простучала электричка.

– Ну чего, – смоля «элэмину», Слава огляделся вокруг, – где эта твоя шпана?

– Вон едут, – обрадовался Боря, вероятно тому, что впервые за весь день смог сообщить нечто позитивное, – точно их машина.

К нам подкатил и остановился угловатый, похоронной расцветки мерседесовский внедорожник. Из «Геленвагена» вышли трое, и я как-то сразу пожалел, что вообще нашел Доспехи.

Этих молодых людей я бы гопниками назвать не взялся. Сразу стало ясно, что ребята серьезные, подстать машине, на которой приехали. Черт знает, какую структуру они представляли – ничего подобного раньше мне видеть не доводилось. Над ними, определенно, поработал стилист, что быкам совершенно не свойственно. Несмотря на вечер, хоть и

прохладный, но все же летний, господа были одеты в длинные пальто из черного кашемира, такого же цвета штаны и рубашку фактуры «мокрый шелк», а на ногах имели короткие черные «казаки». Униформа делала их одинаковыми как близнецы. Впечатление усиливалось внешним сходством: короткой стрижкой светлорусых волос и невзрачными, словно выцветшими глазами. Даже цвет лица у них был неестественно бледный. Или так казалось по контрасту с одеждой?

– Эт-то кто такие? – Слава сплюнул под ноги окурок и стал вплотную ко мне, ощупывая идущих навстречу эмиссаров цепким взглядом.

Я дернул плечами:

– А я знаю?

Черная троица приближалась. Они даже ходили одинаково. Компаньоны начали тесниться к нам, сбиваясь в подобие овечьего гурта. Им было боязно стоять в стороне.

– Ну-с, – негромко сказал я, – готовы ль вы?

– Готовы, – сказал Слава.

Я незаметно надул живот, дабы удостовериться, на месте ли волына. Заткнутый за пояс «стечкин» вдавился в пузо. Жесткий рельеф оружия успокаивал.

Троица встала перед нами в ряд. Они были высоки, ровны по росту и почти не различались оттенками шевелюры. Из-под лацканов пальто высовывались ремешки портупей. Во внешности прибывших главенствовало четкое воинское

единообразие.

Мы настороженно молчали. Ждали, когда начнут они. Упустить инициативу – большая ошибка на переговорах, но внешность оппонентов изрядно угнетала. Как, вероятно, и было задумано. Выдержав долгую паузу и придя к решению, что нужный эффект достигнут, стоящий посередине открыл рот.

– Что вы решили по поводу Доспехов?

Троица уставилась на меня безразличными как холодные льдинки глазами. Этот взгляд заворачивал.

– Боюсь, что мы не сможем их вам продать, – чувствуя себя дипломатической бездарностью, выдавил я.

– Почему?

– Мне очень жаль, – развел я руками, в глубине души сочувствуя бедному Эрику, которому nepocчacтливилocь пересечься с этими «полубогами». – Планы имеют свойство меняться. У меня есть другие покупатели, с которыми я договорился раньше.

– Но мы ясно выразили свое желание приобрести Доспехи Чистоты, – хрустальным голосом изрек эmissap. – Был уговор.

– Между нами конкретно уговора не было, – уточнил я.

– Это не разговор, – средний глядел сквозь меня своими бледно-голубыми глазами, и я понял, что он смотрит на стоящего примостившегося сзади Эрика. – Уговор был. А уговор дороже денег.

«То есть неустойка будет стоить очень больших денег», – промелькнуло у меня в голове.

– А вы чьи такие будете? – донесся до моих ушей на редкость нахальный, но невыразимо родной бас корефана. Эмиссары одновременно перевели взгляд на него. – Не слышу ответа!

– Мы – светлые братья из «Светлого братства», – послышался ответ.

– Чего?! Это Мария-Дэви Христос которая?

– Нет, мы не из «Юсмалос», – слегка раздражённо пояснил «светлый брат».

– А чьи тогда?

Слава оказался изумлен таким оборотом дела, а я вдруг понял, что парламентары были представителями изысканной светлой породы людей, а черная одежда лишь положительно подчеркивала их белизну. На свой рост я не жалею, но головы эмиссаров качались где-то высоко надо мной. Они впечатали и подавляли.

– Наше «Светлое братство» не имеет никакого отношения к «Великому белому братству» госпожи Цвигун, – последовал корректный ответ.

– Да? – буркнул озадаченный Слава. – Впрочем, неважно. Слыхал, чего сказали? С Доспехами вы в пролете, понял?

– Нет, не понял, – обиделся «светлый брат».

– Что, дурак что ли? – искренне удивился Слава. – Я вроде бы ясно сказал: на Доспехи у нас свои покупатели есть. Чего

тут такого непонятного. Или ты в уши долбишься?

Троица в черном переглянулась. Слава откровенно хамил. Он был сторонником простых и радикальных решений.

Боря с Эриком нервно завздыхали, прикидывая, каким боком им выйдут последствия сегодняшней «терки». Слава же, ввязавшись в разборку, попер по бездорожью, рога расчехлив. Афганская закалка не позволяла ему идти на попятный.

– Прошу полегче на поворотах, – совсем не по бандитски осадил Славу эмиссар. – В противном случае у вас возникнут осложнения.

– Чего ты мне сделаешь? – криво осклабился корефан. – На хуй насерешь и жопой разотрешь?

– Что?! – взвился стоящий слева эмиссар, то ли ранее других въехавший в смысл фразы, то ли обладавший меньшей выдержкой.

Он запустил руку глубоко за спину, откидывая пальто, и я заметил, что кобуры под мышкой нет, а на рубахе вышита серебром какая-то эмблема.

Слава снова блеснул хищным золотым оскалом. Два других «брата» как по команде рванулись в стороны, а у того, кто остался ближе ко мне, в руке появился выволоченный из-за спины короткий широкий меч.

Я застыл: ведь шевельнись и он шпиганет прямо в живот. Не поможет и АПС. Потому что пистолет надо еще достать, а меч – вот он, уже в руке. Направлен острием на меня.

Краем глаза я увидел, как арьергард светлого воинства вооружается выхваченными из-под пальто мечами.

Я уловил удар. Лацкан черного пальто дрогнул. Кашемир на долю секунды прижался к груди и тут же отошел, всколыхнувшись. Плотный щелчок пули по телу был едва различим. «Светлый брат» качнулся, по барабанной перепонке стегнул резкий хлопок выстрела. Дыры не было. Нити разошлись, пропуская инородный предмет, и сомкнулись, сглотив пулю.

Полубог упал навзничь, смертельно побледнев. Меч остался зажат в его длани.

И я ожил.

Я выхватил АПС и передернул затворную планку, досылая патрон в ствол.

– Мочи козлов! – исторг я пронзительный клич.

Уцелевшие парламентары стремительно отступали к своей квадратной машине, забыв и про воинственные устремления, и про «брата», оставшегося лежать в земле. Они бежали, размахивая на ходу мечами.

– Слава, не стреляй! – заорал Эрик.

Я обернулся на крик и увидел целящегося корефана, а перед ним скачущего чмудака, спасающего своих пацанов. По каким-то соображениям ему это было нужно. Вероятно, Эрик хотел жить и предвидел последствия, зная неведомые нам подробности об организации, представитель коей дал дуба на берегу Большой Охты с мечом в руке, и теперь был

достойн занять вакантное место среди пирующих в Вальгалле, будь он викингом.

Но викингом павший не был. Скорее всего, муذاком: разве будет нормальный человек разъезжать по городу с мечом под одеждой и, тем более, хвататься за него для сведения личных счетов? Викингам в мегаполисе не место, чему труп был блестящим доказательством. В современном мире берсерк зовется отморожком и его достигающая вершин умоиступления крутизна решающей роли в огневом бою не играет. Бешенство не влияет на скорость пули, ныне оружие требует рассудительности, а смелость отходит на второй план. Счастье теперь сопутствует умным. Поэтому прежде всего надо думать!

Последнее в нашей компании было моей прерогативой. Посему, едва закончилась битва, я начал распоряжаться, дабы спешно замести следы. Убитого мы взяли с собой. Нет трупа – нет состава преступления. Кинули «братана» в проход между сиденьями, под ноги Боре с Эриком. Для погрузки мертвецов задние двери «Нивы» оказались как нельзя кстати. Полноприводная машина в лесу вещь ни с чем не сравнимая. Мы сквозанули со «стрелки» через Ручьи на Колтушское шоссе и стали выбирать местечко поукромнее. Уцелевшая парочка сорвалась на «мерседесе» в направлении набережной. *Suum cuique*⁵.

Мы заехали в чащобу и выгрузили жмурика. Боря отыс-

⁵ Каждому свое (лат.)

кал заросшую кустами ложбину. Складную лопату я возил в багажнике.

Перед тем как зарыть мы осмотрели загадочного сектанта. Вещами он был не богат: мелкая сумма денег, расческа, белый носовой платок. Ни ключей, ни документов, ни курительных принадлежностей и прочих безделушек, которые накапливаются в карманах, если часто пользоваться одеждой. Похоже, черный костюм и в самом деле был формой, надеваемой на работу.

Или на службу. Сбруя под пальто предназначалась для меча, носимого в ножнах рукоятью вниз. Меч был похож на большой кинжал. Обоюдоострый, с тремя канавками на широком клинке, он имел выгнутую вперед гарду и длинную рукоять красного дерева с круглым навершием. Круг с обеих сторон был украшен свастикой.

Меч сильно напоминал по дизайну парадные кинжалы СС, разработанные специалистами по геральдике «Общества Туле» для Ордена арийских сверхлюдей. Оружие было стилизовано под германские рыцарские ножи XI–XIII веков и увенчано священным солярным знаком.

Что и говорить, возникающие в ходе досмотра трупа аналогии могли озадачить кого угодно. Кем были эти стильные молодые люди, повсюду таскающие ритуальные мечи, породистые представители нордической расы? «Сыновья Солнца, сыновья богов, высшее проявление жизни», – как охарактеризовал древних ариев Горслебен. Все указывало на то,

что «светлые братья» были ариями современными. Неспорно они так пристально интересовались свежераскопанным артефактом, который фашисты почитали за амулет непобедимости, – Доспехами Чистоты, изготовленными на их родине, острове Thule, на гербе общества которого имелся похожий меч.

Высокие светлые «дети Солнца», объединенные в глубоко законспирированную организацию... Неужели они – остатки уникальной северной протонации, уцелевшей в котле глобальной ассимиляции и создавшие тайные Ордена с целью сохранения чистоты крови?

Догадки, подтверждаемые фактами, обретали вид истины. Я знал историю достаточно хорошо, чтобы делать кое-какие выводы на основе полученных данных. Значит, разработанная Гиммлером программа «Lebensborn»⁶, предусматривающая дать Рейху путем селекционного отбора 150 миллионов рафинированных арийцев, действительно имела в основе носителей элитного генофонда – потомков выходцев из легендарных земель. «Der Kulturbegründer» – «создателей цивилизации», как называл их Гитлер. Истинно белых людей, распространивших свет высшей культуры по всему миру.

Один из которых, одетый в униформу, лежал сейчас мертвым у моих ног.

А его сотоварищи колятся по Петербургу на дорогах ав-

⁶ «Источник жизни» (нем.)

томобилях, объединенные в сакральное «Светлое братство». Значит, значит...

– Чего потерялся, Ильюха! – бесцеремонно сбил ход моей мысли Слава.

Яма была выкопана. Требовалось положить в нее труп.

– Ну давай, беремся, – сказал корефан, нагибаясь. – Ильюха, чё ты такой глушениый?

Я вышел из задумчивого состояния и с сожалением взял покойника за ноги. Слава с Эриком подхватили его за плечи.

Мы отволокли мертвеца в ложбину и Боря быстро закидал его землей, а сверху засыпал прошлогодними листьями – для конспирации.

Постояли немного у могилы, выдержав минуту молчания. Поскольку все были без шапок, то и снимать ничего не потребовалось.

– Что же теперь будет? – жалобно спросил Эрик.

– Вот уж попали с этими Доспехами, – насупился Боря.

Деревья торжественно шелестели над головою, словно тоже скорбели вместе с нами.

– Зачем надо было стрелять? – снова заныл Эрик. – А еще говорил, что надо мозгами шевелить. Неужели нельзя было по-хорошему разойтись!

Я не стерпел:

– Да что ты, блин горелый, канючишь?! Из-за тебя, дурака, все так вышло. Будь у вас хотя бы дэцел ума на двоих, ничего подобного бы не случилось. Теперь придется выка-

рабкиваться из дерьмища, в которое мы вляпались исключительно по вашей вине!

Эрик побагровел, но никто из чмудаков возразить не осмелился, близость рыцаря, павшего смертью храбрых, не позволяла. Компаньоны предпочитали жить жизнью трусов.

– Вот и похоронили, – многозначительно высказался ко-рефан, разом прекратив перепалку, – теперь поехали помя-нем.

Мы побрели к машине. Слава на ходу заматывал ремешки вокруг ножен – прихватил в качестве трофей меч.

– Не грусти, утрясется, – приободрил он. – Бывало и хуже.

– Зря ты убил полубога, – вздохнул я.

Моя кислая рожа заметно раздражала Маринку. И ведь не растолкуешь жене, что причиной является вовсе не визит ее родителей.

Я пребывал в довольно-таки тягостном настроении. А тут еще оказалось, что гости уже в пути. Положа руку на сердце, я бы куда с большим удовольствием уединился в кабинете и обмозговал ситуацию, но на свете бывают необоримые события, например, приезд тестя с тещей, неотвратимых как сама смерть.

Хмурым я был также по факту отходняка. Поминки устроили у Славы, зацепив по дороге из лесу литровый фугас «самой чистой водки в мире». Время провели с пользой. Нервы немножко подлечили и обстановку немножко прояснили, что теперь крайне немаловажно. Из Эрика раньше было слова не выжать о претендентах на Доспехи Чистоты. Все пацаны да пацаны. Братва, короче. Ну, я и проявил непростительное легкомыслие, посчитав «пацанов» за ботву наподобие лопоухих кухонных бакланов. Самонадеянность меня подвела. Прежде чем переться на стрелку, надо было разнюхать по максимуму о предполагаемых оппонентах, тогда бы и переговоры не приняли столь печальный оборот. Я и представить не мог, что встречу таких меченосцев.

Эрик, похоже, тоже не представлял и не знал даже, что

таковые вообще существуют. Стресс и алкоголь развязали бедняге язык. Я видел, в каком состоянии находится чмудак, и верил ему. Рассказывал он обстоятельно.

Со немцем-полукровкой из обрусевших иммигрантов, Альфредом Карловичем Конном, Эрик познакомился на собеседовании. По весне, перерывая в поисках работы соответствующие разделы рекламных газет, он заприметил регулярно печатаемые объявления о наборе молодых людей в бундесвер. В армии Эрик бывал и службы уже не боялся, лишь бы платили хорошо. Он позвонил по указанному телефону и вскоре очутился в офисе, наполненном самой разношерстной публикой из числа трудолюбивых соотечественников возрастом до 25 лет. Компьютерного тестирования не прошел, зато приглянулся сотруднику фирмы, имевшему нетрадиционные наклонности. На этом деловые отношения были прекращены и завязалась крепкая мужская дружба с первого взгляда, переросшая затем в любовь.

Гормон играет с наступлением весны. Зачастивший к дядюшке Альфу Эрик не мог не обратить внимание на увлечение того антиквариатом. Вот он и решил осчастливить ненаглядного предметом старины, поведав ему о найденных Доспехах. Так появились «пацаны» – термин в наши дни ёмкий и ввергший меня в заблуждение. Заблуждение пагубное – для одного из квазипацанов и теперь, возможно, фатальное для нас всех.

Слава по этому поводу ничего не думал, во всяком случае,

мнение свое высказывать не спешил. Брезгливо косился на Эрика, да и на Борю заодно, хотя соседа в содомском грехе упрекнуть было нельзя.

Сидели-трендели долго. Ксения работала и нас никто не стеснял. Поэтому домой я вернулся лишь вечером – к самому приходу гостей.

Напрасно я опасался, что предыдущая встреча подмочила мою репутацию в глазах маринкиных родителей. Напротив, между нами начали завязываться человеческие отношения. Уж я-то умею отличить фальшивую доброжелательность от настоящей. Эта была подлинной. Зря я по молодости лет лез вон из кожи, демонстрируя хорошие манеры. Капля дерзости облегчила бы взаимопонимание, только я как-то не догадывался. «Наглость – второе счастье».

Тем не менее, вступать в царство Кира дамы желанием не горели. Стол украсила бутылка розового рейнского вина, ничего крепче дома у меня вдруг не оказалось.

«Бабский заговор налицо, – подумал я. – А-а... не очень-то и хотелось, бодать его конем!»

Сели. Выпили. Я включил телевизор.

Шла попсовая музыкальная программа. От нечего делать я косился одним глазом в тарелку, другим – на экран. Голова была занята сумбурными и безрадостными мыслями. Человека убить – это всё-таки серьезное преступление. Не столько даже в уголовном плане, сколько в моральном. Вдобавок, выясняется, что он принадлежал к могущественной и тайной

организации. Такие обстоятельства не могли не угнетать. Я сидел угрюмо, мечтая, чтобы случившееся на Ржевке оказалось сном. Разговорами, к счастью, никто не донимал, от вина, упавшего на старые дрожжи, в голове зашумело и мне почти удалось достичь иллюзорного облегчения. Я не хотел, чтобы кто-то прознал о моих думках, и на всякий случай постарался отделаться от них. Выпили еще по бокальчику. Мамаша с дочкой снова завели о своем о женском, а заскучавший тесть наклонился ко мне.

– Что-то Анжелу расперло, – доверительным тоном сообщил Анатолий Георгиевич.

Он пошловато оскалился и кивнул на телевизор, где мяукала округлившаяся звезда эстрады. Тестю хронически не хватало собеседника и он нашел во мне отдушину. Я ему сочувствовал.

– Аки на дрожжах, – подтвердил я, представляя, как несладко сидеть дома с Валерией Львовной. Тут начнешь не только слюнями истекать перед ящиком.

Звонок в дверь оторвал тестя от соленых переживаний.

– Это Слава? – нахмурилась Маринка, не ждавшая от меня такой подлости.

– Лично я никого не приглашал, – я отправился открывать. – Незванный гость, блин, хуже татарина.

По жизни я с татарами общался не шибко, однако представление об этой шумной и назойливой нации имел. Застольничать с татарами, особенно, когда их несколько – ра-

дости мало. Но незванный гость все равно хуже. Во-первых, на общение с определенным человеком нужно подобающим образом настроиться; во-вторых, не всегда есть возможность его принять; в-третьих, встреча некоторых гостей друг с другом может быть нежелательна. Есть и другие «но», косвенно свидетельствующие в пользу татар, цыган, кавказцев, еврейцев, корейцев и прочих монголоидов, которые тоже далеко не подарок. Но соотечественники бывают куда противнее.

В коридоре я остановился. Может быть, не открывать, ну их всех? Как пришли, так и уйдут. Я никого не ждал, а чужие здесь не ходят. Попутанные Дионисием думки вдруг сгруппировались в жуткое подозрение: а что, если это «светлые братья», непостижимым образом вышедшие на мой след! За дверью терпеливо ждали, от этого появилось желание проигнорировать звонок и вернуться в комнату.

Где сидят тесть с тещей. Что они подумают, коли я похерю пришедших ко мне людей? Я мысленно сплюнул. Прослыть негостеприимным хозяином не хотелось и я потянулся к замку.

– Кто там? – спросил предварительно.

– Эрик. Открой, Илья, нужно.

Ну нужно, так нужно. Я отворил и впустил Эрика. «Светлые братья», следующие за ним, зашли сами.

Рослые штурмовики ввалились в прихожую, двое схватили меня за руки, а третий, вытащив из-за спины меч, шагнул в комнату и приказал замеревшему за столом семейству:

– Всем сидеть! Положите руки на стол и не двигайтесь. Меня потащили следом.

– Где Доспехи Чистоты? – заглянул в душу ярко-синими глазами молодой человек с мечом.

– Илья, отдай им Доспехи, – торопливо сказал Эрик. – Так будет лучше для всех.

– Илья, кто это? – взвизгнула Валерия Львовна и синеглазый обернулся к ней:

– Я же сказал, сидеть смирно!

Я шумно вздохнул. Бегства в мир иллюзий не получилось. Действительность настигла, нагло вторгнувшись в мое жилье. Правда, страшно тоже не было. Возникшее с резкой подачи замешательство прошло, я изгнал его даже не напугавшись. А может просто пьяный был.

– Ой, кто это? – вслед за мамашей повторила Марина.

– Молчать, – приказал синеглазый.

М-да, незванный гость – напасть похуже саранчи. Сохраняя хладнокровие, я оценил обстановку. «Светлые братья» осадили меня как тевтоны Замощье. В правую руку вцепился коренастый белобрысый крепыш, в левую – страшненький альбинос. Он был совсем лишен пигмента и в черной одежде выглядел как привидение. Только глаза у него были розовые, остальными красками Природа его обделила.

Я шевельнул руками. Держали крепко. Ну а вырвись я, что тогда? Пистолет в тайнике за электрическим счетчиком, быстро добраться до него невозможно. Светошоковый фо-

нарь в кармане куртки, висящей в прихожей, – сложно, но можно. Был еще полутораручный меч, добытый мной при налете на книгохранилище сатанистов. Ныне старинные тома занимали два отдельных стеллажа моей библиотеки. Там же, в кабинете, помещался меч.

– Ты что, замерз? – острие меча коснулось горла Маринки. Синеглазый молодчик был настроен на достижение цели любыми средствами.

Я кротко поглядел на него. Отточенное лезвие у шеи жены сделало мое лицо эталоном смирения. Теперь я понял, почему Слава делался спокойным, когда решался убивать. Ненависть качественно менялась, зашкаливая за некий предел, у каждого свой. За этим порогом гневу, страху и жалости не оставалось места. Это была уверенность воина.

– То, что вы ищете, находится в соседней комнате, – ровным голосом сообщил я. – Пойдем.

Что-то в моем взгляде не понравилось арийскому субчику. Он быстро облизнул губы и посмотрел на подручных.

– Пойдем, – убрал он лезвие от тела моей дорогой и любимой супруги. Я был ему признателен. Но намерения уничтожить троицу белокурых бестий не оставил.

Приговоренные, они больше не стоили моих эмоций.

Меня ввели в кабинет.

– Там, – кивнул я на шкаф.

Синеглазый подергал за ручку, но открыть не смог. Дверцу заедало. Дверцу надо было приподнять.

– Заперто, – недовольно отметил он.

– Позвольте я открою, – попросил я.

– Открывай, – старший сделал знак своим «братьям». Меня отпустили. Молодчик отошел от шкафа, поигрывая мечом, и предупредил: – Только без эксцессов, а то сразу голову долой.

– Верю, – согласился я.

Меч стоял в углу комнаты, за стеллажом. От того места, где я находился, до него было четыре шага. От шкафа – пять. Я нажал и отворил дверку. Штурмовики напряглись, ожидая подвоха. Достал лежавшие на дне шкафа Доспехи Чистоты и положил на пол. Уступил место сунувшемуся альбиносу. До полуторника осталось три шага.

– Вот то, что вы ищете, – я любезно отодвинулся в сторону.

Два шага.

– Без обмана? – спросил арийский молодчик.

– Они самые, из кургана, – подтвердил Эрик.

Доспехи Чистоты громоздились на ковре, сияя гладкой стальной чешуей. Время было не властно над ними. Блеск завораживал, притягивал взгляд.

Я еще продвинулся к своей цели, оказавшись за спинами «светлых братьев». Я стоял почти у стеллажа. До угла оставался метр всего ничего, однако тесак в руке синеглазого делал это расстояние непреодолимым. Конечно, пойдя я на рынок, до оружия возможно бы и дотянулся, но тут же был бы

заколот. Или зарублен. Белобрысый крепыш нагнулся и потрогал Доспехи. Сейчас он их заберет.

Времени оставалось в обрез, но суетиться было противопоказано. Мне требовалось сделать лишь шаг.

Шаг.

Я протянул руку и взял прислоненный к стене меч. Это оказалось просто. Сложнее было незаметно вытащить его из-за стеллажа.

Крепыш поднял Доспехи. Синеглазый изумленно уставился на меня. Я крутнул мечом. Полуторник⁷ был узкий и плохо отбалансированный, более похожий на лом, чем на боевое оружие. Альбинос оглянулся. Он был ближе остальных и я обрушил клинок ему на голову.

Реакция у него была потрясающая. Альбинос мгновенно пригнулся, словно ждал удара. Меч пролетел над ним, грозя увести нерастраченную силу в паркет, но я, малость научившийся обращению с полуторником, сумел развернуться и приложить белобрысого клинком по шее. Крепыш подвижностью альбиноса не обладал и замер в обнимку с Доспехами как истукан. Я угодил плашмя, поэтому голову не отрубил, просто сбил с ног. Крепыша снесло на стену. Он с грохотом упал и застыл на полу черной грудой, накрыв собой латы.

Альбинос выскочил из кабинета. Я пырнул мечом сине-

⁷ Меч полутораручный, т. е. предназначенный для ведения боя как одной, так и двумя руками.

глазого. Тот отпрянул, толкнув Эрика, неловко парируя выпад тесаком. Он перепугался. Следующим тычком его можно было пронзить насквозь, но стало не до него – улизнувший меченосец мог угрожать моим близким, поэтому я поспешил им навырочку.

В комнате альбинос вытащил из-под пальто страшный эсэсовский тесак.

– Эрик, держи его! – крикнул я.

Орал для устрашения противника. Пусть не думает, что придет подмога, хотя бы несколько секунд. В бою все средства хороши.

Следовало использовать любую мелочь, потому что надеяться я мог только на себя. Невредимое семейство скучилось на диване. Валерия Львовна обнимала мужа и дочь, являя собой яркий пример готовности к самопожертвованию. Из тестя воин был никудышный – он сидел с разинутым ртом. От такого помощи не дождешься.

Я ткнул мечом альбиноса. Тот отскочил. Мы закружились по комнате, которая стала чем-то напоминать Колизей. В кабинете со звоном распахнулась оконная рама, потянуло свежим воздухом. Я безуспешно атаковал альбиноса. Легкое опьянение сделало мое тело вертким. Это выручало, потому что совладать с парнем в обычном зажатом состоянии было бы проблематично. Он резво скакал вдоль стен, уходя от уколов, а размахнуться, чтобы рубануть как следует, не позволял потолок.

До поры до времени меня спасала только превосходящая длина меча, позволяющая удерживать альбиноса на расстоянии. Но долго так продолжаться не могло – я уже выдыхался. Трудно сказать, чем бы закончился поединок, если бы Маринка не снялась с дивана и не скрылась в прихожей.

«Светлый брат» контратаковал. Я с трудом увернулся и сделал разящий выпад, но управиться с таким шустрым противником оказалось очень непросто. Альбинос скользнул вбок, отведя удар. Полуторник застрял, зажатый в щели между арийским клинком и рогом гарды, превратившейся в настоящую ловушку для мечей. Рукоятка рванулась из пальцев. Я не удержал меч и он вывалился на палас.

– Илья, ложись!

Не раздумывая, я прыгнул на пол. Упал ничком и развернулся ногами к противнику, чтобы было чем встретить, если нападет.

Полыхнула шоковая вспышка. Я лежал, уткнувшись носом в толстый ворс и зажмурившись, но мне все равно досталось. Перед глазами заплывали оранжевые блики. В квартире сразу стало тихо: остальные получили по полной программе.

Я встал. Комната напоминала музей восковых фигур. Светошочковый фонарь – средство действенное и беспощадное. Не убереглась даже Маринка, хотя я учил ее обращению с фонарем. В неприятной близости от себя я увидел широко распахнутые зенки альбиноса. Он утратил последние краски, машинально обернувшись на окрик. Глаза его побелели.

Зрачок сузился в невидимую точку. От яркого света зрительный пигмент родопсин сгорел и радужная оболочка временно обесцветилась.

Родственники пребывали не в лучшем состоянии, но сейчас меня заботили куда менее близкие люди. Те, что остались в кабинете: Эрик и синеглазый. Последний особенно. Уж что-то подозрительно тихо там было. Я подобрал полуторник, проморгался и осторожно заглянул в соседнюю комнату.

На меня никто не напал. Желаящие повывелись. Задувающий в распахнутую настежь балконную дверь ветер ерошил волосы на голове придавившего Доспехи рыцаря. Эрик молча корчился на полу, обхватив руками окровавленный живот. Под ним изрядно натекло. Весь ковер пропитался багровым.

Очевидно, синеглазый шпиганул его перед уходом. Он не был готов попасть в такую передрагу, бригадира старшие «братья» выбирали не из храброго десятка. Вот он и поспешил воспользоваться запасным выходом, благо, второй этаж – не высота. Плюнул на цель визита и бросил команду на произвол судьбы. Своя шкура дороже; кто может гарантировать, что «черный археолог» не увлекается коллекционированием человеческих голов? Должно быть, внезапное появление полуторника и резвость, с которой я начал им махать, произвели на белокурую бестию неизгладимое впечатление. Можно было решить, что мне повезло, но тогда наглость это

и есть счастье. «Бог помогает тому, кто себе помогает».

Прежде всего я связал «светлых братьев». Крепыш дышал, но находился в глубоком нокауте. Напарник же подавал более активные признаки жизни. Постепенно родопсин восстанавливался и глаза альбиноса наливались красным.

Я вызвал «Скорую помощь» и осмотрел Эрика. От потери крови он впал в забытие и боли не чувствовал. Располосывали его нехило: требушки горяченькие высыпались из его брюшной полости не хуже, чем у писателя Мисимы⁸.

Боря сидел дома, не подозревая, что творится у него под боком. Я порадовал его новостями, отдал Доспехи Чистоты и приказал не высовывать носа из дому. Затем позвонил Славе, вкратце обрисовал суть дела и попросил приехать. Кое-как успокоил и спровадил с глаз долой тещу с тестем. В ожидании врачей проинструктировал Маринку. Милиции не боялся. Мною владела абсолютная убежденность, что больше отмеренного не получу, но и уготованного избежать не получится.

И всё же, всё же... Уверенность поколебалась под давлением здравого смысла, когда прибыл воин-афганец. Вошёл он без звонка, дверь в квартиру не закрывали, вот-вот должна была появиться «скорая». И милиция, которую в таких случаях врачи оповещают самостоятельно. Корефан долго

⁸ Юкио Мисима (псевдоним, наст. имя – Кимитакэ Хираока) – японский писатель, отличавшийся крайне патриотическими взглядами. Покончил жизнь самоубийством, сделав харакири.

не размышлял. Осмотрев мой домашний Колизей, Слава сказал:

– Жми ко мне, ильюха. Ксюша дома, она тебе откроет. Мы с Маришкой встретим врачей и отвалим. Нечего тут мусарню вымораживать.

Коротко и ясно. Слава хоть и не был большого ума, но всегда знал, что делать. И меня учил: «Выключай мозги, включай соображение». Именно это пресловутое соображение и выручало нас в самых безвыходных ситуациях, когда времени думать просто не было. Я привык доверяться Славе, он всегда оказывался прав. Ментов и в самом деле ждать не стоит, ничего хорошего они не принесут. Есть мнение, что Моисей, спускаясь с горы Синай ненароком разбил шестую глиняную скрижаль с заповедями Господними, поэтому до нас их дошло всего десять. Одиннадцатая якобы гласила: «Не попадайся!» – в точности про меня. Двенадцатая: «Не болтай!» – это про Эрика. Держал бы язык за зубами, был бы сейчас здоров. И нам неприятностей меньше, расхлебывай теперь эту кашу, приправленную молодцами в черном вместо изюма. Сидя в тюрьме делать это несравненно сложнее. Поэтому нечего попадаться. «Бережёного Бог бережёт, небережёного конвой стережёт». Положняковыми кашками я до отвала накушался по первому сроку и был ими сыт. Спросил только:

– А с этими что делать? – указывая на сопящих бок о бок «сыновей Солнца».

— А чего с ними делать? — удивился Слава. — Здесь оставим, пускай их мусарня пользуется. Надо же легавым кого-то сожрать.

— Ну да, конечно, — согласился я и крепко поцеловал жену. — Все будет хорошо, дорогая. Оставляю тебя в надежных руках. Ненадолго.

— Бум надеяться, — кивнул за нее Слава. — Ты гляди, Ильюха, там по дороге. Не хотелось, чтоб ты вперся в какой-нибудь блудняк.

С лестничной площади донеслось гулкое гудение лифта. Я вдруг понял, что это к нам. Медики или менты. В любом случае надо было поспешать.

— Все будет ништяк, — я нацепил куртку с ключами и документами на машину в карманах и выскочил из квартиры. Лифт поднимался. Ломиться к Боре было поздно, следовало тихариться на месте, и прямо сейчас, иначе заметят. Совсем плохо, если это милиция.

Я спрятался в простенке за мусоропроводом на лестничной клетке между вторым и третьим этажами. С клацканьем разъехались двери лифта. Я замер не дыша. Неужели ОМОН? Тогда копец, причем не только мне. Легионеры ведь сначала бьют, потом спрашивают, а Слава не из тех, кто безропотно подставляет другую щеку. Погубит и себя, и Маринку. Застучали шаги. Их было много, но даже усиленные лестничным эхом, они не казались порождениями кованных подметок. Я осторожно выглянул и увидел, как три белые спины

скрылись за моей дверью. «Пронесло, Василий Иванович! – И меня, Петька, тоже».

Я бегом спустился по лестнице и забрался в стоящую напротив парадного «Ниву». Славина «Волга» притулилась рядом.

Тревожно озираясь, я завел мотор и торопливо выехал со двора. Моего кошмара – канареечного УАЗика с проблесковым маячком на крыше – так и не увидел. Но все равно было страшно. Я взмок от пота как мышонок. От фаталистического спокойствия не осталось и следа. Должно быть, протрезвел.

В таком виде (нашороханный и трезвый как дурак) я предстал перед Ксенией.

– Прятаться пришел. Чего опять набедокурил?

Ксения устала и была раздражена. Она работала старшей медсестрой в Военно-медицинской академии и недавно сменилась с дежурства. После «суток» принимать беженцев, да еще на ночь глядя, было не в жилу. Я отлично сие догонял и старался Ксению не злить. Тем паче, что ее муж сейчас рисковал из-за меня головой.

Мы сидели на кухне и пили чай. Я ничего не стал скрывать от Ксении. Недовольство сквозило в каждом ее слове, в каждом движении. А что еще может вызвать прохиндей, сам не умеющий спокойно жить и втягивающий в авантюры чужих мужей? Никто не любит смутьянов. Интересно, что обол мне думают маринкины родители? Опять, наверное, мало хоро-

шего. Точняк, уверились теперь, что я самый распоследний проходимец, и станут уверять в этом Маринку. Как она там сейчас?

Мучаться долго не пришлось. Ксения внезапно подняла голову и мы, не сговариваясь, бросились в прихожую. Заскрежетал в замке ключ и Слава неуклюже посторонился, с медвежьей элегантностью отставного подпоручика пропуская вперед Маринку.

– Н-ну? – выдавил я.

Дамы поцеловались.

– Всё нормально прошло, путем, – улыбнулся мне Слава.

– Пойдем, Мариш, чайку попьем, – защебетала Ксения, уводя подругу на кухню. – Мужчины, вы тоже присоединяйтесь к нам. Говорите о своих делах и идите.

– Идем, – сказал Слава, стаскивая кожан. «Железо» тяжело болталось в карманах.

– Ну что там? – нетерпеливо спросил я.

– Все путем. Эрика в Вавильник забрали, «скорая» оттуда приехала.

– А менты?

– Без понятия, – пожал плечами Слава. – Мы их ждать не стали.

– А... – я запнулся, подозревая нечто страшное. Слава мог сотворить с пленными что угодно. – А как же эти?

– Я их отпустил, – сказал Слава.

– В смысле?

– На все четыре стороны. А че с ними делать, не солить же.

– Ну да, конечно, – пробормотал я, – конечно.

– Мусорам их сдавать – себе дороже, – пояснил друган. –

Да не грусти, – хлопнул он меня по плечу. – Пошли похаваем. Потом покумекаем, чё делать.

В нашем присутствии женщины хранили напускное спокойствие. Ксения, правда, заметно воспряла духом, а вот моя благоверная сдерживала эмоции. Давалось ей это с видимым усилием. Я чувствовал приближение бури. «Буря, скоро грянет буря». Как только останемся одни. Разговор по душам был отложен в долгий ящик, но я знал, что он обязательно состоится.

Перед сном требушину набивать особо не стали. Подруги быстро слиняли в комнату, а мы остались «кумекать».

– Надо будет Доспехи завтра у Бори забрать, – я придвинул большую дымящуюся чашку. Чая было выпито много, но мандраж от этого не исчез. Денек сегодня выдался страшненький и меня до сих пор поколачивало. Нервы, нервы. Ни к черту. Клагоискательская деятельность сжирала их с ненасытностью Молоха.

– Заберем.

– Как там Эрик? – спросил я. – Не слышал что врачи говорили, жить будет?

– Выкарабкается, – успокоил Слава. – Я таких по Афгану знаешь сколько насмотрелся. Кровопотеря приличная, но смерти в глазах нет.

– Чего нет???

– Смерти. У человека, если он должен скоро тяжело заболеть или кинуться, в левом глазу на радужке чёточки возникают. Не раньше, чем за неделю, что-то от Луны зависит. Мне один лепила из госпиталя рассказывал. Доступно объяснил что к чему, а потом я и сам такие видел не раз.

– У духов тоже? – заворуженно спросил я. Роковые знаки, появляющиеся на теле человека – вовсе не миф, а научно зафиксированный факт, но для меня они оставались чем-то граничащим с чудом. Неудивительно, что свидетель сего мистического явления вызывал повышенный интерес.

– У всех, – ёмко ответил Слава.

Я вспомнил, что сегодня он застрелил человека.

Чем спас мне жизнь.

Помолчали.

– Ну и хорошо, что выкарабкается, – заключил я. – Оперк нему на больничку придет показания снимать, Эрик ему поведает про меченосцев. А прижмурился бы – мокруху на меня повесили.

– А на тебе и так мокруха висит, – криво ухмыльнулся Слава. – Соучастие, забыл?

– Полагаешь, если легавые начнут копать по «Светлому братству», разборка на Ржевке всплывет? – с памятью у меня было в порядке, но и с логикой тоже.

– Обязательно.

– А где труп? Нет жмура – нет убийства.

– Найдут, – возразил корефан. – У Бори спросят, он покажет.

– Плохо, – сказал я, – очень плохо.

Снова очутиться в «Крестах» мне не катило. Даже, если удастся отмазаться от срока, посидеть придется изрядно. Следствие нынче идет долго. Это раньше оно длилось месяц-другой, а если процессник тормозился в СИЗО более полугода, уже был нонсенс. Теперь до суда могут выморазживать годами. Да и само следствие процедура щекотливая. Начнут тянуть ниточку – размотают весь клубок. А я человек грешный, мне в тюрьму нельзя.

– Будем рубить хвосты, – решил я. – Братство имеет выход на Эрика только через полюбовничка его милого Конна. Завтра возьмем у Бори адрес и навестим дядюшку Альфа. Надо про это Братство побольше узнать.

Слава мечтательно дернул уголком рта.

– Может, договоримся. Заинтересуем их чем-нибудь. Отдадим, на крайняк, Доспехи. Даром, прах их побери. Проживем как-нибудь до получения денег от Гохрана. Как думаешь?

– Лады, – кивнул друг. – Отчего не поговорить. От государства только бабок шиш дождешься, но надеяться можно. А теперь пошли спать, утро вечера мудренее.

Комнат у Славы было много. Хватило на всех. Когда я забрался под одеяло, Марина спросила:

– Милый, у нас когда-нибудь будет нормальная человече-

ская жизнь?

– А что? – скрепя сердце, поинтересовался я.

– Я маме звонила, она в шоке. Папа вообще не знает, что ему думать. Вот они и спрашивают насчет жизни. Что ты по этому поводу скажешь?

– Жизнь, – я скрипнул зубами, – прекрасна!

Часть 2

Загадочное наследие

7

От звука открываемой дверцы я вздрогнул. На заднее сиденье полетела увесистая сумка.

– Ф-фу ты чёрт, с тобой так кондрашка хватит, – сказал я незаметно подкравшемуся к машине другу.

– А ты не зевай, – Слава поудобнее устроился на пятой точке и запустил мотор.

«Волга» выкатилась на проспект Мориса Тореза, свернула на улицу Курчатова и, попрыгав по трамвайным путям, оказалась в парке Политехнического института. Слава покружил немного по дорожкам, проверяясь на предмет хвоста, и, не обнаружив оного, остановил машину перед корпусом. Справа выстроились в ряд «ракушки» преподавательских автомобилей. Было утро. Учёба в самом разгаре (как раз вторая пара началась) и любой посторонний был бы немедленно нами замечен.

– У Бори всё нормалёк, – доложил Слава, – сегодня пойдёт к Эрику в больницу, с родителями его состыковался уже.

– Менты не беспокоили его? – спросил я.

Слава помотал головой.

– А светлые меченосцы?

– Не, никто. Я же говорю – нормалёк. Но Доспехи я забрал, а то мало ли чё как.

– Одного не пойму, – вспомнив о причине всех наших несчастий, я перегнулся через спинку сиденья, – как такой большой джинн уместился в та-акой маленький бутылка?

– Уместится, если умять как следует. Типа ты не знаешь, как по этапу едут. Из столыпина в автозак перегружают, чтобы в зону везти, а все с баулами, места мало, и вот начинают жаловаться. Тогда мент собаку выпускает, – знаешь, сколько свободного места сразу образуется!

– Знаю, знаю, – проворчал я, раздёргивая молнию на сумке. Блеснула полированная сталь Доспехов.

Непонятно было, каким образом они так хорошо сохранились в то время как от прочего курганного железа остались одни ржавые лантухи. Секрет ведали только мастера острова Туле, но где они? Есть лишь их белобрысые потомки, встречаться с которыми я особым желанием не горел, знал, что ничем хорошим это не кончится. Либо сложу голову под мечами «светлых братьев», либо меня сцапает мусорня. Менты на меня давно зуб имеют. Однажды мне отвертеться удалось, повторно – навряд ли. С превеликой радостью отправят меня легавые в «Кресты» на два-один – первый этаж второго корпуса, где содержатся приговорённые к высшей мере. Гробовая тишина галереи смертников, обречённый сокамерник,

прогулки по ночам и пуля в голову как неизбежный финал – всё это не по мне. Впрочем, даже если лоб зелёной не намажут, а заменят пожизненным, гнить в вологодской тюрьме озёрного острова Огненный хотелось ещё меньше. Такое «помилование» – та же смертная казнь, только более мучительная. Слава своими арестантскими воспоминаниями навёл на тягостные раздумья. Я вздохнул.

– Поехали кофе попьем.

– На Гражданский? – спросил Слава.

– Нет, в «кенгурятник».

– Это где такой?

– Места знать надо, – усмехнулся я. – Тут недалеко, двинули.

Студенческой кафе находилось здесь же, в парке, буквально в двух шагах от нашей стоянки. Вообще-то молодёжь называла его «Аквариум», но у приятелей Гоши Маркова, в своё время показавшего мне сей кабак, было распространено более игривое погоняло. Надо полагать, в честь студентов, заскакивающих в данное заведение.

Кафе пользовалось популярностью не только среди учащихся. У входа притулился старый сараеподобный «Ниссан-Патрол» и новенькая «Судзуки-Витара», кокетливая как марцифаль. Слава припарковал «Волгу» рядом. На крылечке ошивался стриженный молодой человек прибадниченного вида. Пацану явно чего-то от нас хотелось.

– Угости сигаретой, – попросил он, когда я поднялся по

ступенькам.

– Не курю, – ответил я.

«Стрелок» тут же переключил внимание на корефана, от которого табачищем разило, наверное, за километр.

– Сигарету дай.

– Полай, – криво ухмыльнулся Слава, недолюбливавший братву.

Мы зашли в кафеюшник. Народу, невзирая на учебный час, хватало. Бар был битком набит, делать там было нечего. Мы считали себя людьми солидными и пошли в зал, где тоже нехило гудели прогульщики.

Сели за дальний столик справа. Из четырёх имеющихся кабинок три были заняты, так что с выбором места затруднений не возникло. В ожидании официанта принялись рассматривать рыбок в аквариумах, отделяющих нас от прохода. Между кабинками перегородки были невысокие. За соседним столиком веселилась компания студентов, человек десять, благо, длинные скамьи позволяли разместиться всем. Вместо того, чтобы готовиться к сессии, детки активно прожигали жизнь. Ну и правильно, другой-то не будет. «*Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus!*»⁹

Примчалась девушка в красном передничке, подала пару меню. Тоже, наверное, к стипендии подрабатывает. У неё хотелось узнать имя. Я вдруг почувствовал голод. Перед выездом не поели, после бурного вчерашнего дня немного мути-

⁹ Возвеселимся, пока мы молоды! (лат.)

ло, но организм брал своё.

– Ну, чего? – спросил Слава.

– Позавтракаем, – сказал я.

Мы заказали по бифштексу с картошкой и один кофе. Для разминки Слава взял пиво, я же ограничился яблочным соком. Напитки принесли сразу. В ожидании мясных блюд немного промочили горло. С сопредельной территории редкие в кенгурятнике конвекционные потоки затягивали ленивые завитушки сигаретного дыма. Студиозусы испражнялись смрадом не хуже Шостскинского химкомбината «Свема». Слава тоже закурил, видимо, для баланса и, наклонившись ко мне, сказал:

– Надо бы и нам эриковой мамаше на хвост сесть.

– В смысле? – я не был знаком с мамой харакирнутого курганника и с трудом представлял наличие у неё хвоста, шёрстки, жабр и прочих атавизмов, оставшихся от далёких предков. – Что нам сие даст?

– Смотаемся в больницу, побеседуем.

– Зачем нам родня, – хмыкнул я, тяжёлая жизнь заставляла мимикрировать под друга, – разве сами не сможем пройти?

– А пустят? – усомнился Слава. Семейная жизнь отрицательно сказывалась на его умственных способностях.

– Почему нет, – цинично изумился я. – Куда они денутся!

– Ну ладно, тогда давай так, – заскрипел мозгами друган. – Выспросим у Эрика адресок, как там его... Конна и дёрнем

этого ебуна маслозадного, узнаем, что за «Светлое братство» такое.

– А потом? – Слава по старой афганской привычке любил всё решать с наскока, я же не был сторонником кавалерийских атак.

– Разберёмся, – корефан заглотил пиво и с сожалением повертел в пальцах пустой бокал. – Я так понимаю, ты им Доспехи продавать не собираешься?

– Ни за какие коврижки. От случайных покупателей одни неприятности.

– А кому сейчас легко? – саркастически изрёк друган, закуривая новую «LM». Я случайно вдохнул струйку выпущенного в мою сторону дыма и закашлялся. Американские сигареты, забитые на фабрике им. Урицкого, воняли горячей помойкой. За что только Слава их любит?

– Теперь уже никому, – горько сказал я о попавших в беду компаньонах, – а всё из-за дурацкой деловитости излишне самостоятельных людей.

– Меньше думай об этом, – посоветовал друг. – Решим и эту проблему. Где наша не пропадала!

Девочка в передничке принесла заказ. Проворно разложила ножи с вилками и пожелала приятного аппетита.

– Ещё пива и счёт, – корефан с достоинством извлёк пухлый лопатник.

Афганца аж пёрло от самодовольства. Дикарь не выродился в нём и он иногда чудил: зимой выколол официанту

глаз вилочкой для фондю. Сплошные заботы, но как боевому охранению Славе цены не было. А что он ещё умел? Настоящие деньги экс-офицер Советской Армии увидел только два года назад благодаря мне, и до сих пор наслаждался собственной кредитоспособностью.

*Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши мальчишки?*

– Доносился из бара пущенный во всю громкость и на бис «Сектора Газа»:

*Из ножей и из кастетов,
Из обрезов и пистолетов
Сделаны наши мальчишки...*

Я поперхнулся.

Сделаны наши мальчишки...

На повтор заказывали песню неспроста. Вывалившая из бара кодла молодых бандюков, среди которых мелькала тыква сигаретного стрелка, зашныряла в проходе, выискивая кого-то глазами. Оказалось, нас.

*Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши девчонки?*

В кабину все не поместились. Двое юных гоблинов бесцеремонно брякнулись на скамьи рядом с нами, четверо других столпились у входа, по-бойцовски перекатываясь с ноги на ногу и пощёлкивая костяшками пальцев.

Стрелку места не досталось, а, может быть, просто не захотел присаживаться. Он встал у стола и мстительно осведомился:

– Что, мужик, будем лаять?

У меня пропал аппетит, но я ковырял вилочкой картошку, старательно сохраняя невозмутимость.

– Валяй, – разрешил корефан, – только негромко.

Стрелок задохнулся в припадке праведного негодования. Гоблины засопели. Сидевший возле меня предусмотрительно пробасил:

– Ты вилку положи, кончай жрать, – грубо вытащил из моих пальцев вилочку и припечатал её к столу.

«Довыёживались», – подумал я. Выходя из дома громоздкую волыну брать не стал, решив, что для визита к Боре она не пригодится. Пистолет был у Славы, но тот почему-то не торопился пускать его в ход, хотя одного вида оружия было вполне достаточно, чтобы обратить пацанов в бегство.

Стрелок вдруг громко заматерился, словно его прорвало. Корефан добродушно слушал, досмаливая хопец. Гопник ругался надрывисто и однообразно, но для Славы будто музыка лилась. Левый уголок его рта полз вверх в зачарованной улыбочке.

– Ну чё, козлы, молчим, – закончив ораторствовать, перешёл к конкретике матершинник, – будем отвечать?

– Тебя слушаем, – ответил Слава, стряхивая пепел на куртку сидевшего рядом мордоворота. – Голосисто поёшь, петушок-золотой гребешок.

– Это я петушок?! – вскинулся пацан. – Рома, дай ему!

Что и каким образом Рома должен был дать Славе прямо в общественном месте, осталось неизвестным. Друг коротко ткнул «элэмину» в глаз долговязого бандюгана. От оглушительного вопля на миг все оцепенели. Огненный «карандашик», затушенный о зеницу ока, вернул гоблина в первобытное состояние: голося как дикарь и позабыв про общественные интересы, он сосредоточился исключительно на своей особе.

В следующее мгновение дымящаяся тарелка вдавила содержимое в фейс примостившегося у меня под боком маргарина. Атака была неожиданной – с молодыми спортсменами только так и можно было совладать. Бычок тут же отбил обеденный снаряд, но горячая картошка, облепившая морду, и широкий пласт бифштекса сделали своё дело. На секунду боец потерялся. Лапнув со стола вилку, я засадил по самую рукоять ему в щёку и оттолкнул шокированного такой звериной жестокостью бицепса.

– Порежу, бакланы! – заорал я, хватая нож. Слава, опережая меня, буквально выбросил в проход одноглазого и рванулся следом, толкая Рому перед собой как таран.

Незадачливого стрелка смело с ног. Бандиты проворно рассредоточились между аквариумами. Противопоставляя превосходящим силам противника богатый опыт кладоискательской жизни, я ринулся за другом, добавляя в воздух децибелов:

– Перережу всех! Нож, нож!!!

Нож-то нож – столовый: из нержавейки, короткий и тупой, но когда в руке осатанело ломящегося в бой безумца сверкает нечто металлическое и продолговатое, о котором все оповещены, что это – нож, страх такая штука наводит. А уж вид товарища с торчащей из головы вилкой и вовсе не оставлял сомнений, что острый режущий предмет будет пущен в ход.

Тем не менее, выпускать нас бойцы не собирались. Вероятно, пришли с твёрдой установкой на драку, а перекодироваться их пьяные бестолковки были не в состоянии. Пропустив мимо ушедшего головою в аквариум окривевшего Рому, бычки резво запрыгали, демонстрируя добросовестно усвоенную технику спортивного таэквондо, топорно адаптированную к реалиям уличной драки. Двое осадили Славу, третий крутился возле меня, вспарывая ногами сигаретный смог обеденного зала. На расстояние удара, однако, не приближался: нож нагонял жути. Стрелок поспешил на помощь проткнутому вилкой пацану и положительного результата добился: инородное тело было извлечено, в ближайшее время следовало ждать введения в бой резерва из пары юных

мстителей.

– Стоять, зарежу – шуганул я бойца. У меня имелся свето-шоковый фонарь, но полыхать им я опасался, дабы не ослепить Славу. Надо было срочно придумывать какой-то финт, потому что замешательство у гоблинов проходило. – Кишки выпущу па...

Выбитый ногой нож улетел обратно в кабину, вращаясь как оторвавшийся пропеллер. Упреждая следующий удар, я прыгнул на гоблина, пригнувшись и вжав подбородок в грудь. В единоборствах я был полный профан, но нечто подобное видел по телевизору на чемпионате американской футбольной лиги. Дурацкая атака дала определённый результат. Я сбил бандюгана с ног и мы оба покатались по полу. Круговорот болезненно прервался ударом о стену. У меня перехватило дыхание. Рядом рефлекторно подтягивал колени к груди противник – плечом я угодил ему в живот.

Краем глаза я заметил, как набравшийся храбрости стрелок ринулся ко мне. С налёту топтать меня ногами мешал обездвиженный братан и, пока он огибал препятствие, я ухитрился сделать вдох и перевернулся на спину.

– Ах ты... ой! – резко сменил настроение с боевого на пораженческое пацан. С силой выметнув навстречу ноги, я втёр каблуками ему по коленям и тут же, по инерции оттолкнувшись с ещё большей амплитудой, вмазал в промежность.

– Бля-а-а-а, – как барашек заблеял хамоватый курильщик, оседая от нестерпимой боли.

Нервы, дружок! Я, походя, врезал ему кулаком в торец и развернулся к покаябанному вилкой гоблину. Тот уже на- двигался на меня, придерживаясь за облепленную гарниром рожу. Нет ничего проще.

– Аля-улю! – крикнул я, продолжая в славных традициях футбола, на сей раз европейского. Трах-бах.

– Уй!

Удар пришёлся по многострадальным гениталиям. Не сумев в должной мере парировать его запоздалым блоком, дырявый пацан пропустил и второй. На сей раз – точно в яблочко. Теперь ему никак не бах и, уж в ближайшее время точно, не трах. Если не вообще: ботинки на мне тяжёлые, с толстой литой подошвой. Самый бойцовский вариант, хотя покупал я их, в выборе руководствуясь соображениями моды. Впрочем, нынче мода на средства самозащиты, вот и сгодилась обувка в этой ипостаси. Добавив по окровавленному рылу неуклюжим, но сильным полукруговым ударом, неким подобием маваша-гэри, я послал коцанного в нокаут.

Стрелок молча извивался на полу. Третий бандюк, сбитый мною, молча лежал у стены. Он вполне осмысленно лупал зенками в мою сторону, но агрессивных намерений не проявлял. Оглянувшись, я увидел потирающего кулаки Славу. Он всё-таки умотал своих дуболомов и теперь, возвышаясь над поверженными телами, победоносно взирал на меня. Рот кривился в довольной ухмылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.